

Фредерик Марриет

Персиваль Кин

Фредерик Марриет
Персиваль Кин

«Public Domain»

1842

Марриет Ф.

Персиваль Кин / Ф. Марриет — «Public Domain», 1842

«В нескольких милях от города Соутгемптона находится древний замок, принадлежащий фамилии лордов де Версли и уже несколько столетий известный под именем Медлин-галла. Это – великолепное здание, окруженное обширным парком и 12 000 акров принадлежащей к нему земли. В то время, с которого я начинаю рассказ, в замке жила старушка мисс Дельмар, сестра покойного лорда и тетка его наследника, графа де Версли и также капитана Дельмара, второго сына покойного лорда. Замок принадлежал мисс Дельмар и был в полном ее распоряжении до ее смерти...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	21
Глава VIII	24
Глава IX	26
Глава X	30
Глава XI	33
Глава XII	35
Глава XIII	38
Глава XIV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фредерик Марриет

Персиваль Кин

Глава I

В нескольких милях от города Соутгемптона находится древний замок, принадлежащий фамилии лордов де Версли и уже несколько столетий известный под именем Медлин-галла. Это – великолепное здание, окруженное обширным парком и 12 000 акров принадлежащей к нему земли.

В то время, с которого я начинаю рассказ, в замке жила старушка мисс Дельмар, сестра покойного лорда и тетка его наследника, графа де Версли и также капитана Дельмара, второго сына покойного лорда. Замок принадлежал мисс Дельмар и был в полном ее распоряжении до ее смерти.

Капитан Дельмар в то время, о котором я говорю, командовал фрегатом, употреблявшимся для прибрежной службы, что в то время значило, что капитан имел кресло в парламенте, и так как он иногда должен был подавать свой голос, то фрегат никогда не ходил в море, исключая то время, когда распускали парламент. Тогда фрегат его величества «Эндимион» снимался с якоря и крейсировал в виду берега два или три дня до тех пор, пока метрдотель доносил, что сливки, взятые для капитанского стола, скисли; при таком важном известии руль тотчас клали на борт, и фрегат спускался в ближайший порт. Теперь «Эндимион» стоял постоянно в Спитгее, и капитан Дельмар часто посещал тетку, жившую в Медлине, потому, как утверждали злые языки, что она имела прекрасное состояние. Как бы то ни было, он жил там по несколько недель к большой радости старушки, которая любила своего племянника, любила внимание и даже была так странна, что любила моряков. Но должно заметить, что в замке была еще другая особа, которая также любила капитана, любила внимание и любила моряков. То была мисс Арабелла Мезон, прекрасная восемнадцатилетняя девушка, которая часто смотрелась в зеркало для того, чтобы удостовериться, есть ли на свете особа прекраснее ее, и которая никогда не читала романов без того, чтобы не открыть сходства между героинею и своею собственною особою.

Мисс Арабелла Мезон была старшая дочь метрдотеля покойного лорда де Версли, брата мисс Дельмар. Старый лорд уважал своего слугу за его верность и привязанность к их дому до самой его смерти. Мезон оставил после себя вдову и двух дочерей, и говорят, что миссис Мезон нечего было тужить о потере мужа, потому что он успел кое-что ей оставить. Однако миссис Мезон не была того мнения и, напротив, всегда жаловалась на свою бедность, так что мисс Дельмар, по смерти лорда де Версли, посылала обеих дочерей ее в школу, где они получили некоторое воспитание. Мисс Дельмар часто приглашала миссис Мезон в свой замок, и последняя обыкновенно привозила с собою старшую дочь, уже вышедшую из пансиона. Впоследствии эта дочь постоянно оставалась в замке, а мать иногда только получала приглашения. Может быть, спросят, какую роль играла в замке мисс Арабелла Мезон? Ее не считали служанкой, потому что она была выше этого звания; она не являлась в гостиной, потому что ее положение в свете не позволяло ей смешивать себя с аристократией; но она занимала место между первыми и последними: она была бедной компаньонкой для чужих, немного выше ключницы для домашних, исполнительницей желаний своей покровительницы, цепью между старой аристократкой и ее слугами, к которым последняя чувствовала отвращение, свойственное большей части старых дев. Присутствие мисс Арабеллы сделалось почти необходимым для ее покровительницы, но должно, однако, заметить, что это было самое несчастное положение для молодой, резвой, прекрасной девушки, которой так хотелось нравиться.

Очень естественно, что капитан Дельмар часто посещая тетку, иногда обращал внимание и на бедную компаньонку. Постепенно короткость между ними увеличивалась, так что, наконец, стали говорить в людской, что капитан и мисс Белла Мезон вместе прогуливаются в парке; и так как посещения капитана в продолжение двух лет сделались довольно частыми, то соблазн еще более увеличился, и злые языки сделались смелее. Уже часто заставляли мисс Беллу в слезах, и старый слуга и старая ключница, смотря друг на друга, качали головою, как два почтенных мандарина. Единственная особа, ничего не знавшая и не видевшая, была старушка мисс Дельмар.

Теперь я должен ввести новое лицо. Капитан Дельмар никогда не приезжал без слуги, который выбран был из морских солдат, находившихся на его фрегате. Бенжамен Кин, как он назывался, имел все качества, необходимые для хорошего слуги. Он всегда был опрятен, всегда почтителен и, после короля Великобритании и Ирландии, считал капитана Дельмара первою особою в свете. Кроме того, Бенжамен Кин, простой солдат, был одним из красивейших людей на свете и служил предметом удивления для всех женщин. Но природа, которая иногда любит подшутить, не дала ему даже искры ума; он был совершенно необразован и не мог учиться – по недостатку способностей.

Бен¹ всегда сопровождал своего господина в замок и там был предметом удивления и насмешек всех слуг. Нечего и говорить, что прекрасная мисс Арабелла Мезон считала Бена гораздо ниже себя – с первого приезда его в замок; но странно сказать, что через два года, именно в то время, когда разнеслись слухи, что ее часто застают в слезах, в обращении ее с Беном произошла странная перемена. Некоторые говорили даже, что она имела особенные виды на красивого солдата. Люди, которые предвидят вещи тогда, когда они уже совершатся, говорили, что Бен никогда не смел бы и думать о таком счастье, если бы капитан не предложил ему сам жениться на мисс Белле; и Бен, считавший желание капитана приказанием, вытянулся перед ним и приложил руку к шляпе в знак повиновения. Вскоре потом капитан опять приехал в Медлин-галл с Беном, и на другой день объявлено было всем, кому знать надлежало, что мисс Арабелла Мезон тайно обвенчана с Бенжаменом Кином.

Как обыкновенно, последняя особа, до которой достигло это известие, была мисс Дельмар, и ее племянник взял на себя объявить ей о свадьбе. Сначала превосходительная старушка запылала негодованием, удивлялась нескромности Арабеллы и еще более ее выбору. Капитан Дельмар отвечал, что хотя Бен и солдат, но что каждый солдат есть джентльмен по службе; что хотя Белла Мезон могла найти лучшую партию, но она все-таки была служанкою его тетки, а Кин его слуга, так что разница между ними невелика. Потом он говорил, что давно уже заметил их взаимную привязанность, говорил о том, как опасно, когда молодые люди часто бывают вместе, намекал о последствиях и распространился о приличиях и морали. Почтенная мисс Дельмар смягчилась убеждениями своего племянника; она была в восхищении, найдя столько добродетелей в моряке, простила молодых и сделала им прекрасный подарок. Но не так легко было сладить с матерью миссис Кин. Едва достигло это известие до старой миссис Мезон, она немедленно явилась в замок. Сначала она имела тайный разговор с дочерью, потом с капитаном Дельмаром и тотчас уехала из замка, не видя хозяйки, не сказав ни слова слугам. Это подало повод ко многим догадкам. Некоторые приписывали такой поступок досаде на замужество дочери; но другие обменивались только значительными взглядами.

Через три недели после свадьбы парламент был распущен, и начальник порта счел за нужное послать фрегат в крейсерство. Бен Кин, по обыкновению, сопровождал своего капитана, и фрегат не прежде, как через три месяца, возвратился в порт. Капитан Дельмар, являсь к адмиралу, поехал к тетке вместе со слугою, но в замке они нашли всех в большом смятении. В самом деле, то, что случилось, удивило всех домашних. Старый слуга отвесил низкий поклон

¹ уменьшительное от Бенжамена.

капитану, и лица всех вытянулись длиннее обыкновенного. Капитан Дельмар, не говоря ни слова, вошел в гостиную, где его холодно встретила тетка, сложив перед собою руки на белом кисейном переднике.

– Что с вами, любезная тетушка? – спросил капитан Дельмар, между тем, как она как будто нехотя протянула ему руку.

– Дело в том, мой милый, – отвечала старушка, – что свадьбу твоего солдата и Беллы Мезон нужно бы было сыграть шестью месяцами ранее. Мы живем в развращенном свете, племянник, и моряки, я боюсь...

– В этом случае вы хотите верно сказать – морские солдаты, – отвечал капитан Дельмар. – Я должен сознаться, что ни те, ни другие не ведут себя так, как бы должно было. Впрочем, Бен женился на ней. Перестаньте сердиться, любезная тетушка, и позвольте мне просить за них, хотя я в отчаянии, что такое происшествие случилось у вас в доме. Мне кажется, – прибавил он, помолчав, – что возвратясь на фрегат, я должен буду строго наказать Кина.

– Это не поможет беде, племянник, – отвечала мисс Дельмар, – я выгоню ее из дома, как только она в состоянии будет ходить.

– А я накажу его, как только приеду на фрегат, – прибавил капитан. – Я не хочу, чтобы мои люди оскорбляли ваши чувства, так бесчестно – бесстыдно – ужасно – непростительно, – повторял капитан, ходя взад и вперед по комнате.

Благородная мисс Дельмар продолжала говорить, по крайней мере, с час, и благородный капитан продолжал соглашаться с нею. Когда люди изливают свое негодование, не встречая ни малейшего противоречия, они скоро затихают; то же случилось и с мисс Дельмар. Когда пришли сказать, что Белла Кин произвела на свет прекрасного мальчика, обиженная старушка с ужасом отвернулась; когда горничная заметила, что это было в самом деле прекрасное дитя, ей велели молчать. Она не хотела видеть бедной матери, и солдату ведено было оставаться в кухне, чтобы не встретиться с ним на лестнице. Но с каждым днем ее негодование утихало, и скоро мисс Дельмар могла не только смотреть на ребенка, но и ласкать его, и, наконец, решилась навестить мать, которая уже довольно оправилась, чтобы выслушать двухчасовую речь, в которой благородная девица распространилась о ее нескромности, необдуманности, неисправимости, непристойности, замечая, что ее поведение было непростительно, непонятно, невыносимо. Мисс Дельмар, насквозь столько не, замолчала, потому что не могла более говорить. Белла, терпеливо ожидавшая своей очереди, будучи сметливою девушкою, объявила с пролитием многих слез, что она сознается, что ее поведение было непростительным, ее проступок невольным, что ее неопытность и незнание одни только могут ее оправдывать; что гнев ее покровительницы необходимо должен увеличить ее страдания; уверяла, что она не исправима; что если только мисс Дельмар не будет более негодовать на нее, то она никогда более не сделает такого проступка. Довольная этим обещанием, добрая мисс Дельмар смягчилась и не только простила ее, но еще взяла дитя к себе на колени и подарила матери Библию. Читатель! Ребенок, удостоившийся чести лежать на девственных коленях девственной мисс Дельмар, был не кто иной, как рассказчик этой истории – или, если вам угодно, герой этого романа.

Дело моей матери тем и кончилось; но из этого нельзя еще заключать, чтобы ее муж был доволен таким непредвиденным случаем, тем более, что в насмешках слуг не было недостатка. По-видимому, вскоре после моего рождения капитан Дельмар имел свидание с Беном; но когда солдат возвратился в кухню, один из грумов, осмелившийся шутить над ним, получил такой толчок от Бена, что с тех пор все шутки замолкли. После того как Бен так горячо за себя вступился, стали делать заключения, что если супружеские права и были нарушены, то он сам поторопился и теперь, женись, уже не хочет слышать никаких дерзких замечаний.

В свое время меня окрестили, и мать моя до такой степени примирилась со своею покровительницею, что капитан Дельмар был моим крестным отцом, а благородная мисс Дельмар

крестною матерью. По особенной просьбе матушки, капитан согласился, чтобы мне дали его имя, и меня записали в церковные книги под именем Персиваля Кина.

Глава II

На свете нет ничего постоянного. В парламенте при избрании членов люди, подававшие свои голоса в пользу капитана Дельмара, будучи недовольны невниманием его к их выгодам, решились избрать на место его другого члена, который, как прежде капитан Дельмар, обещал им все, и по всей вероятности, подражая капитану, ничего не думал исполнить. С потерей этого места капитан Дельмар потерял и фрегат, потому что правительство не сочло необходимым оставить его командиром. Итак, фрегат был отдан другому капитану, который имел друзей в парламенте.

Бен, принадлежавший к морскому полку, не мог оставаться при капитане Дельмаре, но помещен был вместе с другими в Чатамских казармах. Матушка, хотя не располагавшая жить в казармах, без сожаления оставила замок, где ей не трудно было заметить, что с ней обращаются уже не с прежним уважением. Она даже рада была расстаться с местом, где проступок ее был всем известен, и капитан Дельмар, дав ей прекрасные советы и богатый подарок, обеспечивавший ее на несколько лет, уехал из замка. Матушка возвратилась в свою комнату, когда затих стук колес отъезжавшей кареты, и облила горькими слезами свое бедное дитя.

На другой день мисс Дельмар прислала за нею; начала, как обыкновенно, поучительную речь и кончила богатым подарком и советом – ехать. Через день матушка, собрав, что у нее было, и взяв меня на руки, отправилась в Чатам, куда мы скоро прибыли и наняли себе квартиру. Матушка была живая, деятельная женщина, и подарки, полученные ею в разное время, составляли значительную сумму, на которую ее муж никогда не объявлял никаких прав.

В самом деле, должно отдать справедливость Бену, что он имел добродетель смирения. Он чувствовал, что жена во всех отношениях выше его, и что только особенный случай мог свести их. Поэтому он во всем был ей покорен, соглашался на все ее предложения и действовал по ее воле. Когда по приезде в Чатам она объяснила ему невозможность жить вместе с другими женщинами в казармах и объявила, что она хочет заняться каким-нибудь ремеслом, которое могло бы доставить ей выгоды, Бен, хотя и чувствуя, что это будет добродетельное разделение *a mensa et thoro*, не делал никаких возражений. Получив, таким образом, согласие мужа, который не смел ее оспаривать, матушка решила завести книжную лавку; она рассудила, что вместе с тем, продавая бумагу, перья и сургуч, она всегда будет иметь покупателей лучшего класса. Она наняла дом возле казарм, с прекрасною лавкою в нижнем этаже, и хотя первоначальные издержки значительно уменьшили ее капитал, последствия показали, что она не ошиблась в расчете, и у ее лавки постоянно толпились офицеры, которых занимала приветливость и живость хорошенькой женщины.

В самое короткое время ее лавка сделалась самою модною, и для всех непостижимою загадкою было то, каким образом такая прекрасная и ловкая женщина могла сделаться женою простого солдата.

Наконец, это стали приписывать тому, что она была обворожена красотою лица и вышла замуж по страсти. Дамы приняли под свое покровительство ее маленькую библиотеку; офицеры и джентльмены раскупали у нее книги. Матушка накупила перчаток, духов, тростей, сигар и через год нашли, что ее доход и число покупателей значительно увеличились. Матушка была умная женщина; с мужчинами она шутила и любезничала, с дамами принимала степенный вид, и дела ее процветали в полном смысле слова. Если бы муж ее и захотел вступить в свои права, то настоящее положение ее уже достаточно было для того, чтобы заставить его покориться. Она возвысила себя без посторонней помощи высоко над ним; он видел, как она смеется и шутит с его офицерами, которым он должен был отдавать честь, проходя мимо: он не решался говорить с нею и даже войти в лавку, когда там были его офицеры, чтобы они не сочли это неуважением; и так как он не мог ночевать вне казарм, то все свидания его с матушкою огра-

ничивались минутным приходом к обеду, где он находил лучший кусок, чем в своей артели, а иногда получал еще шиллинг на пиво. Бен удостоверился, наконец, что тем или другим образом жена выскользнула у него из рук, что он был не более, как ее покорнейшим слугою, и без ропота покорился своей судьбе.

Глава III

Мне кажется, читатель согласится со мною, что матушка во всем показывала необыкновенную твердость характера. Она принуждена была сделаться женою человека, которого презирала и над которым во всем чувствовала свое превосходство, но сделала это, чтобы спасти свое доброе имя. Правда, она была виновна; но ее положение и случай были против нее, и когда она нашла одну только гордость и эгоизм в человеке, которому была предана и для которого всем пожертвовала; когда он глубоко оскорбил ее предложением сделать этот шаг для избежания огласки; когда в минуту такого предложения спала завеса и открыла ей сердце человека во всем его эгоизме, – не удивительно, что с горькими слезами, выжатыми обиженною любовью и отчаянием, она должна была согласиться. Потеряв все, что было для нее дорого, чего ей было бояться в будущем? Ей предстояло только принести новую жертву, новое доказательство ее привязанности.

Но мало найдется женщин, которые бы на месте моей матери не упали духом.

В таком положении были дела, когда мне минуло шесть лет. Я был забавный, веселый шалун, ласкаемый офицерами и столько же полный проказ, как дерево, полное обезьян. У матушки явилось столько занятий, что она нашла необходимым иметь помощницу и решила просить сестру свою Эмилию переехать к ней жить. Но для этого необходимо было получить согласие ее матери; а бабушка не виделась с матушкой с приезда своего в Медлин-галл. После они стали вести переписку; матушка молчала, будучи сначала не более как женою простого солдата; но когда дела ее приняли счастливый оборот, она первая протянула оливковую ветвь, которую бабушка приняла, узнав, что она мирно отделилась от мужа. Так как бабушке уже надоело жить в опустелом доме, и Эмилия объявила, что она умирает с тоски, то решено было, что они обе приедут жить с матушкой, что вскоре и последовало. Тетушка моя Милли, прекрасная собою, живая и веселая, была тремя годами моложе матушки. Бабушка была сердитая, капризная старушка, огромного роста, но весьма почтенной наружности. Лишним считаю заметить, что с приездом мисс Эмилии число посетителей не только не уменьшилось, но еще значительно увеличилось.

Тетушка Милли скоро столько же полюбила меня, сколько я любил проказы; этому нечего удивляться, потому что я был типом проказника. Матушка была серьезна и иногда бранила меня; бабушка крепко била и вечно бранила, между тем как тетушка, задумав какую-нибудь шалость, которую сама не смела выполнить, всегда употребляла меня своим агентом, так что мне всегда приписывали ее выдумки, и я редко оставался ненаказанным; но об этом я мало думал. Ее ласки, пряники и сахарные сливы вознаграждали меня за брань матушки и за оплеухи, которые я получал с длинных пальцев моей почтенной бабушки. Кроме того, офицеры принимали во мне большое участие, и должно заметить, что хотя я решительно отказался учить азбуку, зато успел во многом другом. Моим большим покровителем был капитан морского полка Бриджмен, невысокий, но красивый мужчина. С ним я часто убегал из дому и ходил обедать с офицерами, пил тосты, и стоя у стола, пел две или три забавные песни, которым он меня выучил. Иногда я возвращался домой немного навеселе, что очень сердило матушку; бабушка поднимала руки вверх и смотрела сквозь очки на потолок, а тетушка Милли смеялась вместе со мною. Восьми лет я уже приобрел такую известность, что всякая шалость, сделанная в соседстве, непременно приписывалась мне, и к матушке доходили беспрестанные жалобы на разбитые стекла и другие проказы, хотя очень часто я бывал совершенно невинен. Наконец, все, кроме моей матушки и тетушки Милли, объявили, что мне давно пора ходить в школу.

Однажды вечером все наше семейство сидело в зале, за чаем. Я притаился в углу: верный признак, что готовил какую-нибудь шалость (а я действительно насыпал в то время порошу в бабушкину табакерку), когда старушка сказала матушке:

– Белла, неужели мальчишка никогда не будет ходить в школу? Он совсем пропадет.

– Отчего же он пропадет? – спросила тетушка Милли. – Неужели от того, что не пойдет в школу?

– Молчи, Милли; ты так же избалована, как он, – отвечала бабушка. – Мальчишки никогда не пропадают от воспитания, а девушки очень часто.

Думала ли матушка, что это относилось к ней, – не знаю; но она поспешно отвечала:

– Вы, кажется, не можете жаловаться на мое воспитание, матушка; иначе вы не были бы здесь.

– Правда, Белла, – отвечала бабушка, – но вспомни, что ты никогда бы и не подумала выйти за солдата, – за простого солдата, когда твоя сестра метит на офицера. Да, – продолжала старушка, перестав вязать чулок и смотря на дочь, – и подхватить одного, если сумеет: поручика Флета не выживешь из лавки. (Бабушка в эту минуту дала мне случай положить на место ее табакерку; и заметив, что она уронила на пол вязальную иголку, я поднял ее и воткнул сзади в ее платье, так что она не могла видеть).

– Я слышала, что мистер Флет очень хорошей фамилии, – продолжала бабушка.

– И большой дурак, – прервала матушка. – Я уверена, что Милли не обращает на него внимания.

– Он офицер, – отвечала бабушка, – не простой солдат.

– Право, матушка, для меня лучше мой простой солдат, потому что я делаю из него, что хочу; если он солдат, то я его командир и буду им, пока жива.

– Полно, полно, Белла, зачем вспоминать старое; но мальчика надо отдать в школу. Ах, я уронила иголку!

Бабушка встала и вертелась кругом, ища иголку, которую, странно сказать, никак не могла найти. Она открыла табакерку и понюхала табак, чтобы прочистить зрение.

– Что это сделалось с моим табаком, и где иголка? Персиваль, что ты сидишь в углу; поищи мою иголку.

Я счел нужным повиноваться и очень прилежно начал искать. Встретив взгляд тетушки Милли, я показал ей на иголку, торчавшую из бабушкиного платья, и потом опять стал на колени, между тем как тетушка зажимала рот платком, чтобы не смеяться.

Через минуту Бен сначала тихо постучал в дверь и потом отворил ее и вошел. В это время все офицеры обедали, и лавка была пуста.

– Тебе нужно будет взять три связки книг, – сказала матушка, – но еще будет время; возьми чай и пей в кухне.

– Нет ли у тебя шиллинга, Белла? – сказал Бен со своим обыкновенным спокойствием.

– Возьми вот шиллинг, Бен, – отвечала матушка, – но не пей так много пива.

– Боже мой, что сделалось с моей иголкой? – вскричала бабушка, оборачиваясь.

– Вот она, – сказал Бен, заметя ее в бабушкином платье. – Я уверен, что это работа Персиваля.

Бабушка взяла иголку от Бена и потом обратилась ко мне:

– Негодный мальчишка, так это ты воткнул сюда иголку? А сам как будто ищет ее. Ты пойдешь в школу, сударь, пойдешь непременно!

– Вы сказали иголка, бабушка, я и искал иголку. Вы не говорили о вязальной спице; я бы мог сказать вам, где она была.

– Да, конечно, кто спрятал, тот может найти; ты идешь в школу, или я не остаюсь здесь в доме.

Бен взял свой чай и вышел из комнаты. Он хорошо знал дисциплину и вне казарм.

– Я пойду в кухню к отцу, – вскричал я.

– Нет, не пойдешь, негодный мальчик, – сказала матушка. – В кухне не твое место, и если я езде услышу, что ты куришь трубку...

– Капитан Бриджмен курит, – отвечал я.

– Да, он курит, а ты не должен курить.

– Поди, поди сюда, дружок, – сказала бабушка, открыв табакерку и держа ее в одной руке. – Что ты сделал с моим табаком?

– Помилуйте, бабушка, трогал ли я сегодня вашу табакерку?

– Почему мне знать? У тебя руки, как крючки, верно, ты трогал; мне бы только хотелось поймать тебя. Я насыпала поутру свежего табаку.

– Может быть, в лавке ошиблись, – сказала тетушка Милли, – это часто случается.

– Не знаю, надо переменить; я не могу этого нюхать.

– Бросьте в огонь, бабушка, – сказал я, – а я сбегаю с табакеркой в лавку и снова насыплю полную.

– Да, больше нечего делать, – отвечала старуха и, подойдя к камину, высыпала табак на уголья. Вдруг последовал взрыв, и масса дыма хлынула ей в лицо; чепчик вспыхнул, очки упали с носа, и лицо почернело, как у трубочиста. Старушка вскрикнула и отскочила назад; но, наткнувшись на стул, на котором сидела, поймала меня и всею своею тяжестью упала на меня. Я только что собирался ускользнуть во время тревоги, потому что матушка и Милли также испугались, как увидел себя почти задушенным тяжестью своей бесчувственной бабушки, а она, как я уже говорил, была огромная и тучная женщина. Будь я в другом положении, я не столько бы страдал, но, к несчастью, я упал прямо на спину и лежал кверху лицом, которое давила широчайшая часть тела старушки; она приплюснула мой нос, и дыхание мое остановилось. Не знаю, долго ли осталась бы бабушка в таком положении; быть может, она бы и совсем задушила меня, если бы я не употребил в дело свои зубы. Я укусил ее сквозь платье, почти задыхаясь, стиснув зубы с судорожным усилием. Бабушка, чувствуя ужасную боль, скатилась на бок, и тогда матушка и тетушка, думавшие, что я убежал из комнаты, нашли меня без чувств, с посиневшим лицом. Они подбежали ко мне, но я все еще не мог разжать зубов; чистый воздух и холодная вода привели меня в чувство, и меня положили на софу в совершенном изнеможении. Бабушка не так счастливо отделалась; она несколько дней не могла сидеть на кресле без подушек, и хотя меня бранили немного, но старушка получила явное ко мне отвращение, матушка молчала, а тетушка сделалась не так весела, как прежде. Все это предвещало что-то недоброе. Через несколько дней я узнал свою судьбу. В одно прекрасное утро, в понедельник, Бен пришел необыкновенно рано; мне надели на голову шапку, на плечи накинули плащ, Бен схватил меня за руку, в другую взял закрытую корзину и повел меня, как овцу на заклание. Когда я уходил, в глазах тетушки Милли были слезы, матушка была печальна, а бабушка даже сквозь очки не могла скрыть своей радости. Дело в том, что бабушка восторжествовала, и меня вели в школу.

Глава IV

Только что мы вышли на улицу, я взглянул в лицо Бену и спросил, куда же мы идем?

– Веду тебя в школу, – отвечал он.

– В школу! За что меня в школу?

– За то, что ты кусал свою бабушку, и для того, чтобы тебя немного поучили и поболее посекли, как я слышал; я сам никогда не был в школе.

– Чему же там учат и за что секут?

– Учат читать, писать и считать; я, к несчастью, ничему не выучился; а секут потому, что без розог мальчишки ничему не выучатся.

Это известие нисколько не было для меня утешительно. Я более не задавал вопросов, и мы в молчании дошли до дверей школы, за которыми слышен был ужасный шум. Бен поступал, дверь отворилась, и масса теплого воздуха охватила нас. Бен вошел и представил меня школьному учителю, которого имя было Тадеус О'Таллагер и который, быв бедным студентом в Ирландии, приехал в Чатам и завел школу. Он считался строгим, и в его заведении дети содержались в особенном порядке; кажется, что бабушка нарочно выбрала его школу, потому что в городе их было несколько, и другие гораздо ближе к нашему дому.

Бен, по-видимому, имевший большое уважение к ученым, потому, что сам ничего не знал, по-военному отдал честь мистеру О'Таллагеру и, приложив руку к шляпе, сказал: «Новый мальчик честь имеет явиться в школу».

– О, разве я его не знаю? – вскричал мистер О'Таллагер. – Это тот самый молодец, который прокусил насквозь свою бабушку, мистер Кин, как его называют. Острые зубы, острые зубы. Оставьте его у меня: в корзине, я думаю, его обед? Оставьте и обед. Он скоро сделается смирным, или это может дурно кончиться.

Бен поставил корзину, повернулся налево-кругом и оставил школу и меня у трона моего будущего педагога; я говорю у трона, потому что у него не было кафедры, какие обыкновенно бывают в школах, а кафедра заменялась тремя старыми ящиками без крыш; два из них стояли дном кверху и составляли нижнее основание, а третий стоял на них поперек, также дном кверху. Все это покрыто было старой изорванной шерстяной материей. Мистер О'Таллагер с достоинством сидел на верхнем ящике, положив ноги на нижние, и с возвышения мог обозревать всю школу. Он был невысок ростом, но очень толст, с рыжеватыми волосами и рыжими взъерошенными усами. Мне он казался самым страшным существом, и когда он открывал свой большой рот и показывал зубы, я вспоминал вывеску Красного Льва возле матушкиного дома. Во всю мою короткую жизнь я никогда еще не чувствовал такого ужаса, как при виде моего педагога, который сидел передо мною, как римский трибун, держа в руке вместо жезла короткую круглую линейку. Я не пробыл еще минуты в школе, как заметил, что он поднимает руку; линейка, просвистав по воздуху, полетела и ударилась в голову школьника, сидевшего на другом конце комнаты. Мальчик, разговаривавший с соседом, почесал голову и нахмурился.

– Что же ты не несешь назад линейку, негодяй? – сказал мистер О'Таллагер. – Проворнее, Джонни Таргет, или это может дурно кончиться.

Школьник, сначала оглушенный ударом, скоро оправился и, хныкая, подошел и подал линейку мистеру О'Таллагеру.

– Язык твой делает больше зла, чем добра, Джонни Таргет. Он у тебя негодный член. Ты пропадешь без линейки.

Джонни Таргет почесал голову и не сказал ни слова.

– Мистер Кин, – сказал учитель, помолчав, – видел ли ты, какой удар в голову получил этот мальчик, и знаешь ли, за что?

– Нет, – отвечал я.

– Что у тебя за манеры, негодяй? Нет! Вперед ты должен говорить: нет, сударь, или нет, мистер О'Таллагер. Понимаешь, – теперь скажи: да... и что?

– Да и что.

– Да и что! Ты негодный *ignomamus*; говори: да, мистер О'Таллагер, и помни, что я спрашиваю в последний раз.

– Да, мистер О'Таллагер.

– А, теперь ты видишь, что в школу ходят недаром, – ты научился быть вежливым. Обратимся же к прежнему вопросу: за что Джонни Таргет получил удар в голову, который заставил его плакать? Я тотчас скажу тебе, что он получил это за разговоры. Первая обязанность мальчика, который хочет учиться есть молчание, и это будет твоим уроком сегодня; сядь здесь, и если ты вымолвишь хоть слово во все время, как будешь в школе, то это дурно кончится.

Имея случай удостовериться, что мистер О'Таллагер шутить не любит, я сел на место и забавлялся, слушая, как мальчики говорили свои уроки и получали наказания. Наконец, наступило время обеда; школьников распустили; каждый взял свою корзинку и побежал домой обедать, а я остался в школе *tete-a-tete* с мистером О'Таллагером и, чувствуя неодолимое влечение к обеду, бросил нежный взгляд на свою корзину, но не сказал ни слова.

Мистер О'Таллагер, наконец, сказал:

– Мистер Кин, теперь ты можешь идти из школы и кричать, пока охрипнешь, чтобы вознаградить себя за потерянное время.

– Могу я взять свой обед, мистер О'Таллагер? – спросил я.

– Ты спрашиваешь об обеде? Конечно, можешь. Но сначала я посмотрю, что такое в корзине, потому что, любезный мистер Кин, есть кушанья, которые вредны для ученья, и если ты съешь их, то не в состоянии будешь ничем заняться. Что легко, то можно кушать, но что дурно для желудка маленьких детей, то может дурно кончиться, то есть линейкой или розгой; у меня есть два помощника, которых я еще тебе не представил. Все в свое время. Если справедливо то, что я о тебе слышал, то вы скоро познакомитесь.

Между тем мистер О'Таллагер рассматривал мою корзину. Тетушка Милли хорошо обо мне позаботилась: там было множество сэндвичей², кусок хлеба и сыра и несколько кусков сладкого пирога. Мистер О'Таллагер вынул все это и после минутного молчания сказал:

– Ну, мистер Кин, ты не угадаешь, каким образом я всему научился, и что я ел в то время? Так я скажу тебе: я ел черствый хлеб с крошечным кусочком сыру, когда случалось достать его, а это случалось нечасто. Хлеб и сыр есть пища, которая сделает из тебя хорошего ученика, и еще можешь взять кусок сладкого пирога. Бери же их и беги бегом играть; и не забудь же, мистер Кин, прочесть молитву: «Благодарим тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас»... Ну, убирайся, остальное конфискуется для моего употребления и для твоей пользы.

Мистер О'Таллагер оскалил зубы, окончив свою речь, и в это время он так походил на дикого зверя, что я рад был убежать как можно скорее. Я обернулся, выходя из дверей, и заметил, что мои сэндвичи исчезали с удивительной быстротою; но я встретил его взгляд: то был взгляд тигра, раздирающего свою добычу, и бросился бегом из дверей.

² Sandwiches – то же, что бутерброды.

Глава V

Добежав до места, где школьники собирались играть, и которое было не что иное, как небольшой луг, я сел на траву и начал есть обед, который мистеру О'Таллагеру угодно было мне оставить. Я боялся его, правда, потому что строгость его к другим показывала мне, что он не будет щадить и меня, если я осмелюсь ему противоречить; но вскоре негодование взяло верх над страхом, и я стал думать, что нельзя же мне всегда оставлять ему свой обед. Потом я рассудил, не лучше ли предоставить свою пищу на его волю, если он за то будет хорошо со мною обходиться, и решился немного помедлить оказывать открытое сопротивление. Скоро зазвонил колокольчик, и я вместе с другими поспешил в школу и сел на указанное мне место.

Как только все затихли, педагог обратился ко мне.

– Ну, мистер Кин, – сказал он, – протяни сюда свои уши, то есть слушай, что я буду тебе говорить. Знаешь ли ты, сколько путей ведут к тому, чтобы научиться? Молчи: я спрашиваю тебя, потому что уверен, что ты этого не знаешь, и потому, что хочу все объяснить тебе. Есть три пути: первый – глаз, и когда мальчик имеет такие глаза, как ты, многое может пройти по этому пути в его голову; ты можешь узнать вещь, когда снова увидишь, хотя можешь не знать своего отца, потому что это тайна твоей матери. Второй путь, негодный мальчишка, есть ухо, и если ты будешь помнить, что говорят, и слушать, что тебе позволят, то узнаешь много истин и еще более лжи. Теперь мы дошли до третьего пути к науке, который есть совершенно отдельный путь; это – голова, которая требует помощи глаз и ушей и еще двух помощников, которых мы называем памятью и прилежанием. Итак, мы имеем три пути: зрение, слух и рассудок, три слова, которых ты не понимаешь, и я не возьму на себя труда растолковывать их такому животному, как ты, потому что я никогда напрасно не мечу бисера перед свиньями. Теперь, мистер Кин, мы перейдем к другой части нашей истории. Как есть три пути к наукам, так точно есть три средства, которыми мальчики понуждаются учиться: первое есть линейка, – ты видел, как она полетела в голову Джонни Таргета и какой отвесила ему удар; второе средство есть ферула, вещь, о которой ты, может быть, никогда не слышал, но которую я покажу тебе. Вот она, – продолжал мистер О'Таллагер, вынимая плоскую деревянную лопатку с отверстием посередине. – Линейка для головы, как ты уже видел, а ферула для руки. Ты знаешь, что я делал линейкою; теперь я покажу тебе, к чему служит ферула.

– Томми Госкин, поди сюда.

Томми Госкин положил книгу и подошел к учителю с сомнением на лице.

– Томми Госкин, ты сегодня худо знал свой урок.

– Нет, мистер О'Таллагер, – отвечал Томми, – вы сказали, что я хорошо отвечал.

– Ну, так ты худо знал его вчера, – продолжал мистер О'Таллагер.

– Нет, я вчера знал хорошо, – отвечал мальчик, нахмурясь.

– И ты еще смеешь мне противоречить? – вскричал мистер О'Таллагер. – Во всяком случае ты не будешь знать урока завтра, так протяни свою правую руку.

Бедный Томми протянул руку и громко закричал при первом ударе, вырывая свои пальцы из рук учителя.

– Теперь левую руку.

Томми получил удар и в левую руку и закричал еще громче.

– Теперь ты можешь идти, – сказал мистер О'Таллагер, – но вперед не смей этого делать, а то дело может дурно кончиться. Теперь, мистер Кин, мы приступим к третьему, и последнему, средству, которое есть не что иное, как березовые прутья. Вот оно, ты испытал его?

– Нет, мистер О'Таллагер, – отвечал я.

– Ну, так тебе еще предстоит это удовольствие, и, вероятно, тебе недолго еще дожидаться. Дай мне выбрать.

Здесь мистер О'Таллагер осмотрел всю школу, ища виновного, но мальчики, догадываясь, к чему клонится дело, так прилежно устремили глаза на книги, что он не мог никого заметить. Наконец, он вызвал толстого, жирного мальчика.

– Вальтер Пуддок, пожалуйста сюда.

Вальтер Пуддок подошел; видно было, что он считал себя погибшим.

– Вальтер Пуддок, я сейчас говорил мистеру Кину, что ты лучший ученик в латинском классе. Ну, не делай меня лжецом, поддержи меня, или, клянусь кровью О'Таллагеров, я буду сечь тебя, пока ты сделаешься тонок как лист. Как называется по-латыни треугольная шляпа, которую римские джентльмены носили со своими тогами?

Вальтер Пуддок думал несколько минут, и потом, не говоря ни слова, спустил штаны.

– Видишь виновного; он знает, что с ним будет. Стыдно, Вальтер Пуддок, так осрамить своего учителя в заставить его солгать мистеру Кину. Где Филь Муни? Поди сюда и держи Вальтера Пуддока; в тебя я не могу вбить ума, но с твоею помощью вбиваю его в других.

Вальтер Пуддок, очутившись на спине Филя Муни, получил дюжину добрых ударов. Он вынес их терпеливо, хотя слезы текли по его щекам.

– Вот, Вальтер Пуддок, я говорил, что это может дурно кончиться: возьми свою книгу, негодный, и старайся лучше оправдать образование, которое ты здесь получил.

Мистер О'Таллагер отложил розги в сторону и продолжал.

– Ну, мистер Кин, я показал тебе три пути к науке, и также три средства, чтобы заставить детей учиться. Если ты не будешь скоро идти по трем первым, то за тобою будут следовать очень скоро три последние. Да еще помни, негодный, чтобы завтра было более горчицы в сэндвичах, или это может дурно кончиться. Теперь ты знаешь всю теорию, мистер Кин, и с завтрашнего дня я начну практику.

Во весь этот день достойный педагог не говорил мне более ни слова. В пять часов классы кончились, и я поспешил домой, вспоминая все, что происходило в школе.

Бабушка и матушка очень любопытствовали знать, что со мною было; первая надеялась, что меня высекли, вторая, что нет; но я не хотел отвечать им. Я принял гордый и равнодушный вид, потому что был сердит на матушку и ненавидел бабушку. Одна только тетушка Милли не напрасно меня расспрашивала. Когда мы остались одни, я рассказал ей все, что случилось; она просила меня не сердиться и сказала, что будет стараться, чтобы со мною не обходились так дурно.

Я отвечал, что если со мною будут дурно обходиться, то я непременно отомщу за себя. Потом я пошел в казармы к капитану Бриджмену и все рассказал ему. Он советовал мне смеяться над линейкою, ферулою и розгами, показал необходимость ходить в школу и учиться читать и писать, но в то же время осуждал поведение мистера О'Таллагера и велел мне противиться его несправедливости и жестокости, обещая помочь мне, если я буду прилежно учиться.

Ободренный покровительством и советами двух друзей моих, я решил учиться как можно лучше, но не переносить никаких обид от своего учителя. Я хотел за всякое наказание сыграть с мистером О'Таллагером какую-нибудь штуку и с таким похвальным намерением заснул крепким сном.

Глава VI

Когда на другое утро тетушка Милли разбудила меня и сказала, что пора завтракать – и идти в школу, мне показалось, что в последние двадцать четыре часа – два года пронеслись над моею головою. До вчерашнего дня я никогда не знал притеснений, и кровь моя кипела от негодования; я чувствовал себя способным на все.

Я столько же сердит был на матушку и бабушку за то, что они отдали меня в такое место, сколько и на мистера О'Таллагера. Вместо того, чтобы идти и поздороваться с матушкою, я не обращал внимания ни на нее, ни на бабушку, к обиде первой и удивлению последней, которая спросила: «Что у тебя за манеры сегодня? Отчего ты не пожелаешь мне доброго утра?»

– Оттого, бабушка, что я еще недостаточно пробыл в школе, чтобы выучиться манерам.

– Поди и поцелуй меня перед уходом, – сказала матушка.

– Нет; вы отдали меня в школу, чтобы меня там били, и я никогда более не буду целовать вас.

– Негодный мальчик! – вскричала бабушка. – Какое у тебя злое сердце!

– У него не злое сердце, – сказала тетушка Милли. – Напрасно сестра сначала не узнала, в какую школу отдала его.

– Я сама знаю, – отвечала бабушка, – там он не смеет шалить.

– Не смею? – вскричал я. – Так буду же, и не только там, но и здесь. Я надоем всем, и даже вам, бабушка, или пусть я умру на месте.

– Как, негодный мальчишка, разве ты не знаешь...

– Знаю, знаю, но помните, что я умею кусаться. Молчите лучше, бабушка, или, как говорит наш учитель, это может дурно кончиться.

– Каков мальчик? – вскричала бабушка, всплеснув руками. – Уж дожить мне до того, что тебя повесят, неблагодарный!

– Не зовите меня неблагодарным, – отвечал я, обняв тетушку Милли и целуя ее. – Я могу любить тех, которые меня любят.

– Так ты не любишь меня? – с упреком спросила матушка.

– Вчера я любил вас, но сегодня нет; но мне пора идти, тетенька; готова ли моя корзина? Я не хочу, чтобы отец отводил меня в школу; я могу без него идти, и когда не захочу идти, так не пойду; помните это, матушка.

Сказав это, я схватил корзину и вышел из комнаты. Я узнал, что по уходе моем происходило долгое совещание; матушка, узнав от тетушки Милли, как обходился со мною мистер О'Таллагер, хотела тотчас взять меня из школы; бабушка утверждала, что все, что я говорил, есть сущая ложь, и угрожала уехать из Чатама с тетушкою, если меня не оставят в школе. Так как матушка не могла расстаться с тетушкою Милли, то бабушка настояла на своем.

Я пришел вовремя и сел возле своего учителя. Я сделал это вследствие долгого разговора с капитаном Бриджменом, который сказал мне, что хотя мистер О'Таллагер называл линейку наказанием 1, ферулу 2 и розги 3, и хотя их считали, чем больше номер, тем хуже; однако капитан доказывал противное, узнав это на опыте, когда сам был в школе. Он советовал мне никогда не протягивать руки к феруле, хотя за этот отказ меня высекут, и уверил меня, что когда часто секут, то розги не имеют уже никакого действия. Теперь я рассудил, что вернейшее средство избежать линейки состояло в том, чтобы сесть ближе к учителю, которому тогда слишком близко бросать ее мне в голову; я хотел спасти благороднейшую часть тела и предложить другую на волю мистера О'Таллагера. Надо отдать ему справедливость, он не заставил меня ждать.

– Поди сюда, мистер Кин. Что у тебя за манеры? Отчего ты не пожелаешь доброго утра своему учителю? Умеешь ли ты читать?

– Нет, сударь.

– А знаешь азбуку?

– Не совсем, мистер О’Таллагер.

– Не совсем! Я думаю, две буквы из двадцати шести; видно, что дома не особенно заботились о твоём воспитании. Но неужели ты думаешь, что классический ученик и джентльмен, как я, стану сам учить тебя азбуке? Ты ошибаешься, мистер Кин; ты узнаешь ее из вторых рук. Где Тим Рудель? Ты, Тим, учи мистера Кина азбуке и в то же время знай свои уроки, а то это может дурно кончиться; а ты, мистер Кин, если не выучишь сегодня всей азбуки, то получишь наказание № 2, а после и следующее. Ну, пошел же, необразованный негодяй; а ты, Тим, получишь № 3, если не выучишь его и сам не будешь знать урока.

Я был очень доволен таким распоряжением; я решился учиться и старался вдвойне, чтобы спасти от наказания бедного Тима.

Через три часа я знал свой урок в совершенстве, и Тим, которого вызвали прежде меня, также знал все без ошибки, к огорчению мистера О’Таллагера, который заметил:

– Так ты выскользнул из моих рук, мистер Тим, но я доберусь до тебя и до Кина.

Перед обедом позвали и меня. Зная свой урок, я был совершенно покоен.

– Какая это буква? – спросил мистер О’Таллагер.

– А, В, С, D, E.

– Ах ты, негодяй! Ты думаешь избежать наказания?

– V, X, P, O.

К крайнему удивлению мистера О’Таллагера, я сказал все буквы без ошибки; но вместо похвалы, получил выговор.

– Клянусь всем на свете, – вскричал мой педагог, – сегодня все идет наизворот; моя рука остается в бездействии. Этому не бывать. Ты, кажется, сказал мне, мистер Кин, что не знаешь азбуки?

– Я сказал, что знаю несколько букв, сударь.

– Если я еще не потерял память, мистер Кин, то, кажется, ты сказал мне, что знаешь две из двадцати шести.

– Нет-с, это вы сказали.

– Это все равно, что сказать мне, твоему наставнику, классическому ученику и джентльмену, что я лгу, – за что я и требую удовлетворения. Ты виновен в двух пунктах: во-первых, солгав мне, что ты не знаешь азбуки, когда видно, что ты ее знал; и во-вторых, назвав меня лжецом. Ты думал уйти от меня, но ошибся, мистер Кин; так, с твоего позволения, мы приступим к наказанию № 2. Протяни руку, – слышишь, протяни РУКУ.

Но я решительно отказался.

– Ты не хочешь? Ну, так за послушание мы начнем с № 3, который я думал сберечь до завтра; поди сюда, Филь Муни, и возьми новичка.

Скоро явились розги и Филь Муни; одними меня секли, другой держал меня.

Первый удар розги есть вещь, чрезвычайно неприятная; его можно сравнить с падением капли растопленного олова. Я собирал все усилия, чтобы не кричать, но это было невозможно, и наконец, я стал реветь, как бешеный бык; и был также взбешен, как бык. Будь у меня под рукою какое-нибудь оружие в то время, когда меня сняли с плеч Филь Муни, плохо пришлось бы мистеру О’Таллагеру. Ярость пересиливала во мне боль. Я стоял, сжав кулаки, стиснув зубы, оставя свое платье в беспорядке. Классы кончились, и я остался наедине с диким педагогом, который тотчас взял мою корзину и начал ее рассматривать.

– Одевайся, мистер Кин, не оскорбляй моей скромности, не отнимай у меня аппетита. Сказал ли ты о горчице, как я тебя учил? Право, ты славный мальчик и делаешь честь рекомендации своей бабушки, которой можешь сказать, когда увидишь, что я не забыл своего обещания. Ты позабыл сказать о горчице, негодяй! Если бы Филь Муни был здесь, я бы очистил

твою память. Впрочем, если завтра ты не загладишь ошибки, то случится то же самое. На, возьми и ешь, маленькое чудовище.

Мистер О'Таллагер бросил мне хлеба, но на этот раз сыр оставил себе. Я оделся и вышел из школы. Я не мог сидеть от боли и прислонился к столбу; хлеб остался нетронутым в моей руке; я не мог есть; я стоял, как безумный, когда услышал возле себя чей-то голос. Я оглянулся и увидел Вальтера Пуддока, которого высекли накануне.

– Это ничего, Кин, – кротко сказал он, – сначала больно, но чем чаще, тем легче; я теперь совсем привык и кричу потому, что без крика никогда не кончат.

– Я не заслуживал наказания, – отвечал я.

– Это все равно, заслужишь ты или нет, тебя будут наказывать, как и всех нас.

– Ну, так вперед я постараюсь заслужить наказание, – отвечал я, сжимая кулак, – но ему будет худо.

– Что же ты хочешь делать?

– Подожди и увидишь, – сказал я отходя, и новая идея явилась в моей голове.

Скоро зазвонил колокольчик, и мы возвратились в школу. Я отдан был под надзор другому мальчику и старался выучить урок. Был ли учитель утомлен, наказав после меня еще с полдюжины, или считал он мое наказание достаточным, во в этот день я более не был наказан.

Глава VII

Только что мы разошлись из школы, я прямо побежал к капитану Бриджмену и рассказал ему, как со мной поступили. Выслушав меня, он вскричал:

– Это уж слишком; я пойду с тобою, и мы посоветуемся с тетушкой Эмилией.

Случилось, что тетушка была одна в лавке, когда мы пришли, и после рассказа о том, что со мною случилось, она сказала капитану Бриджмену, что бабушка отдала меня в школу за шалости, угрожая, что если меня оттуда возьмут, она уедет из Чатама и возьмет ее с собою. Матушка не могла оставаться без помощницы и боялась обидеть бабушку, которая, верно, сдержала бы свое слово, но тетушка хотела убедить ее взять меня из школы, несмотря на угрозы старушки.

– Вы никогда не должны оставлять нас, мисс Эмилия – отвечал капитан Бриджмен, – все наденут по вас глубокий траур.

– Я не хочу, чтобы меня взяли из школы, – прервал я, – а не выйду оттуда, пока не отомщу за себя. Вот, что я хочу сделать и сделаю, хоть он изрубит меня в куски. Он ест мои сэндвичи и говорит, что завтра опять накажет меня, если в них не будет более горчицы. Мы положим ему горчицы вдоволь, но и еще чего-нибудь. Чего можно положить туда, чтобы почти уморить его?

– Прекрасная мысль, Персиваль, – сказал капитан Бриджмен, – я спрошу у доктора, сколько каломелю можно ему дать.

– Да, это будет хорошо, – сказала тетушка, – я постараюсь положить более горчицы, чтобы он не заметил.

– Я пойду в казармы и сейчас возвращусь, – сказал капитан Бриджмен.

– А я приготовлюсь к розгам, – сказал я смеясь.

Капитан Бриджмен скоро возвратился и принес сорок гран каломелю, которые отдал в руки тетушке Милли.

– Здесь столько, – сказал он, – сколько можно дать самому здоровому человеку, не подвергая его опасности; мы посмотрим, что с ним будет, и если он не исправится, то я сам пойду в школу и разделаюсь с ним.

– Бабушка велела ему дурно со мною обходиться, – сказал я. – Он мне сам признался, и я заставлю его раскаяться.

– Персиваль, я не хочу, чтобы ты сделал что-либо неприятное бабушке, – сказала тетушка Милли, приняв строгий вид.

На другое утро я отправился в школу в полной уверенности, что меня к вечеру высекут, и несмотря на это, был так весел, будто шел на праздник.

Утро прошло, как обыкновенно. Я знал урок, но не слишком твердо; меня так занимало мое неожиданное мщение, что я не слишком внимательно слушал своего учителя, избранного из мальчиков.

– Мистер Кин, – сказал мистер О’Таллагер, – мы оставим расчеты до вечера и тогда разотчемся вполне. Я, может быть, еще что-нибудь прибавлю; ты не уйдешь от меня, приятель.

Мальчики разошлись обедать, оставя меня, как прежде, наедине с моим мучителем. Я стоял перед ним молча, между тем как он шарил в моей корзине.

– Ну, мистер Кин, посмотрим, исполнил ли ты мои приказания о горчице.

– Я просил тетушку положить поболее горчицы, – отвечал я смиренно; она сама делает мне сэндвичи.

– Ну, смотри, если тетушка не исполнила твоей просьбы, то я не отпущу тебя живого, маленький аспид.

Он вынул из бумаги сэндвичи и стал их пробовать.

– На колени, мистер Кин, и благодари всех святых, что тетушка спасла тебя от половины того, что я тебе готовил; потому что она положила вдвое больше горчицы, негодяй, – сказал О’Таллагер, набив себе полный рот.

Сандвичи исчезали один за другим и, наконец, все исчезли. О, какова была моя радость! Я чуть не снял с себя шапку и не бросил ее вверх. Получив на свою долю хлеб и сыр, я весело стал есть их, восхищенный тем, что мистер О’Таллагер попался в мои сети.

Скоро колокольчик созвал нас в классы, и первые два часа все шло обыкновенным порядком; но тогда мне показалось, что мистер О’Таллагер вдруг переменялся в лице и побледнел. Он продолжал, однако, выслушивать уроки, но, наконец, я заметил, что он начинает поглаживать рукою желудок. Через несколько минут он сжал свои толстые губы и обеими руками схватился за живот.

«А, ты начинаешь чувствовать», – подумал я; и точно – он чувствовал. Боль увеличилась так быстро, что он потерял терпение, и линейка стала летать по головам школьников. Наконец, он выронил линейку и, схватясь обеими руками за желудок, стал качаться вперед и назад, стучая ногами одна об другую; более он не мог выдержать. Ужасные проклятия посыпались на всех; он скрежетал зубами почти в беспамятстве, и пот падал с его лица.

– О, убийство! Я отравлен! Боже, спаси мою грешную душу. О, о, о! Э, э, э! Помилуй, помилуй, помилуй, помилуй! О, святой Патрик! Я зарезан.

И боль до такой степени стала одолевать его, что он залился слезами, плача и крича, как дитя.

Пароксизм опять схватил его.

– Убийство, убийство, убийство! – кричал несчастный, собрав последние силы.

Соседи сбежались на крик и нашли мистера О’Таллагера совсем изнемогшим; он только мог прошептать:

– Доктора, скорее доктора!

Соседи, заметив, как он болен, вынесли его в его комнату. Один побежал за доктором, а другие сказали нам, что мы можем разойтись по домам.

Я бежал поделиться радостью с тетушкой Милли и капитаном Бриджменом. Доктор, призванный к мистеру О’Таллагеру, дал ему лекарства, которым избавил его от каломеля. Однако действие последнего было так сильно, что мистер О’Таллагер три дня не мог выходить из комнаты и не являлся в школу целую неделю, в продолжение которой я изобретал новые штуки.

Наконец, мистер О’Таллагер выздоровел, и меня опять послали в школу. Войдя в классы, я нашел своего учителя бледным и похудевшим; едва он увидел меня, как рот его искривился и оскалил большие белые зубы, напомнившие мне усмешку гиены; однако он не сказал мне ни слова. Мы принялись за дело, я прекрасно ответил урок, но готовился к наказанию. Впрочем, я обманулся; он не наказал ни меня, ни других мальчиков...

После я узнал, что это случилось потому, что хотя нужда заставила его как можно скорее опять открыть школу, но он был еще слишком слаб, чтобы предаться своим любимым занятиям.

Когда наступил час обеда, и мальчики разошлись, я терпеливо ожидал, что он будет делать с моею корзиною, стоявшего возле него.

– Возьми корзину и ешь свой обед, – сказал он, выходя из школы в свою комнату. – Я не мог удержаться, чтобы не спросить:

– Не угодно ли сандвичей, сударь?

Он обернулся и бросил на меня адский взгляд, которым показал, что знает, кому он обязан своею болезнью.

С тех пор мистер О’Таллагер никогда более не трогал моей корзины, и обед весь оставался мне. Нанесенный ему удар был так велик, что три или четыре месяца он едва держался на

ногах, и я начинал серьезно думать, что дело может дурно кончиться; но постепенно он стал поправляться и, чувствуя себя лучше, становился строже и строже.

Но я сделал большие успехи в продолжение трехмесячного бездействия мистера О'Таллагера. С летами я часто думал и теперь совершенно убежден, что мы более теряем, чем выигрываем, начиная слишком рано учиться. Начните учить одного ребенка с трех лет и другого с семи, – и десяти лет тот, которого до семи оставляли в покое, будет знать столько же, как тот, чьи понятия стали образовывать с таких ранних лет. Я испытал это на самом себе.

В шесть месяцев я выучился хорошо читать и писать я начал арифметику. Правда, что этому много способствовали советы капитана Бриджмена, любовь моя к тетушке Милли и ненависть к моему учителю, от которого я не хотел заслужить наказания за леность.

Штуку с мистером О'Таллагером я сыграл в мае; в сентябре он был совершенно здоров, и линейка, ферила и розги начали свое дело. Бесполезно и говорить, как часто меня наказывали, потому что это случалось каждый день, иногда один раз, иногда дважды; я сделался совершенно равнодушным к наказанию, даже смеялся над ним, но втайне старался снова мстить своему мучителю.

Я клал маленькие шарики из смолы на трон мистера О'Таллагера, и он имел удовольствие видеть себя прилипшим, когда хотел встать наказывать. Я обмазывал розги и ферилу клеем; бросал мертвых кошек под ящики, составлявшие его трон, так что запах выводил его из терпения прежде, чем он мог найти его причину. Я вылил все чернила из чернильниц и налил в них воды, чем ввел его в немалые издержки.

В таких случаях он никогда не искал виновного, но вызывал меня и Филя Муни. Я, со своей стороны, никогда не говорил ни слова в свое оправдание. Я выдерживал наказание без ропота, вполне довольный меною.

Вальтер Пуддок говорил мне правду, и это подтвердят все школьники, что после частых наказаний делаешься нечувствительным к розгам. Так проходило время до ноября, когда мне представилась возможность вполне отплатить моему достойному педагогу за все его благодеяния.

Глава VIII

Школьники истратили все свои деньги, чтобы купить ракет к 5 ноября. Говорят, что в этот день некоторые люди, находя невозможным преобразовать лордов и депутатов, решились вдруг от них отделаться. Неизвестно, отчего каждый год после первого опыта наши лорды не подвергались подобной опасности. Гюй Фоке и его сообщники, паписты или протестанты, сделались основателями до сих пор не существующей партии, которой девиз есть: средства, а не люди.

Но не буду продолжать далее. Мистер О'Таллагер никогда прежде не мешал детским играм в этот день; но тут, будучи не в духе, объявил, что вместо праздника мы должны утром прийти в классы, а после обеда можем гулять.

Это нас чрезвычайно огорчило, и нетерпение наше выйти из школы было так велико, что почти никто не мог ответить урока. Ферула и розги были в полном действии; но можно представить себе наш ужас и отчаяние, когда за час перед обедом мистер О'Таллагер приказал нам выдать ему тотчас все шутихи и ракеты, которыми набиты были наши карманы, и объявил, что в наказание за то, что мы не знали уроков, после обеда также будут классы. Все были в безмолвном отчаянии.

Мальчики один за другим подходили к трону мистера О'Таллагера, и Филь Муни обыскивал их карманы, вытаскивал оттуда все принадлежности фейерверка и складывал их к подножию трона, который, как я уже прежде заметил, состоял из двух пустых ящиков, обращенных дном кверху; на этих двух стоял третий, на котором сидел мистер О'Таллагер, и все три покрыты были старою зеленою фланелью.

Когда обыскивали всех, то набралось такое множество ракет, шутих и проч., что мистер О'Таллагер, опасаясь, чтобы мальчики опять не утащили их, поднял верхний ящик, на котором сидел, и приказал Филью Муни спрятать их под него. Это было исполнено; мистер О'Таллагер снова сел на свое место, и классы продолжались до обеда, но увы, должны были начаться и после обеда.

Мальчики разошлись; одни печальные, другие сердитые, некоторые испуганные; меньшая часть восстала против такой несправедливости.

Я был вне себя; кровь во мне кипела; наконец, изобретательность явилась ко мне на помощь, и я, не думая о последствиях, решился действовать.

Так как еще оставалось полтора часа до начатия классов, то я поспешил домой и, выпросив шиллинг у тетушки Милли, купил более четверти фунта пороху.

Потом я возвратился в школу, заглянул в класс и увидел, что в нем никого не было. Я поспешно приподнял ящик, под которым спрятаны были наши ракеты, высыпал под него порох, оставя немного для узенькой дорожки, которую трудно было заметить на зеленом фланелевом покрывале, и потом вышел и прибежал к товарищам. У меня, как и у других школьников, был кусок фитиля для опускания ракет; я зажег его и остался в углу, ожидая колокольчика, который сзывал нас в классы.

О, как забилося мое сердце, когда я услышал звон, и как боялся я, чтобы мой план не разрушился.

Мы все собрались. Мистер О'Таллагер, любуясь с усмешкой демона печальными лицами учеников, сидел на своем троне; с одной стороны лежали розги, с другой ферула, а линейка, как жезл, сжималась его мощною десницей.

Спрятав за рукав зажженный фитиль, я, не замеченный мистером О'Таллагером, очутился за его тронем, возле насыпанной мною дорожки. Я взглянул, чтобы удостовериться, не заметил ли он меня; но глаза его блуждали по классу, ища, в кого бы бросить линейку. Боясь, чтобы он не обернулся, я не хотел более медлить и приложил фитиль к пороху.

Не зная силы пороха, я с удивлением, смешанным с ужасом, увидел, как ящик поднялся кверху, будто на крыльях, и отбросил к потолку мистера О'Таллагера, окруженного облаком дыма. Ракеты, шутихи свистели и лопались; мальчики с громким криком отскочили от взрыва и бросились вон из школы.

Стекла вылетели с треском, и вся школа наполнилась дымом. Я стоял, ужасаясь своего дела. Шутихи и ракеты еще не переставали свистать, когда я услышал стон мистера О'Таллагера, упавшего на средний стол. Я все еще стоял в комнате, почти задыхаясь, но не двигаясь с места, когда соседи, привлеченные взрывом и криками мальчиков, вбежали и заметив только меня и мистера О'Таллагера, который все еще кричал, вынесли нас на руках. Давно пора было сделать это, потому что комната была в огне, и через несколько минут пламя выбросило из окон, между тем как дым выходил из дверей и труб.

Послали за пожарными трубами; но прежде, чем они приехали, весь дом так объят был пламенем, что невозможно было спасти его. В один час Locale наших бедствий превратилось в пепел. Меня поставили на ноги, выводя из комнаты, и видя, что я не ушибся, отпустили домой.

Я никогда не забуду чувств, которые овладели мною, когда я увидел пламя и дым, шум и смятение вне дома, действие пожарных труб, солдат, шедших из казарм, и собравшуюся толпу народа. «И все это мое дело», – подумал я.

Я рад был, что у меня не было сообщника; я мог хранить свою тайну. Однако я не на шутку беспокоился о мистере О'Таллагере, потому что, хотя я ненавидел его, но, конечно, не желал его смерти. К счастью, чрез несколько времени я узнал, что он вне опасности, хотя еще страдает от ушибов и ожогов.

Никто не мог понять, каким образом случилось такое несчастье; знали только, что мистер О'Таллагер отобрал у мальчиков все ракеты, и что они как-то взлетели на воздух. Многие говорили даже, что это поделом ему. Бабушка покачала головою и сказала, взглянув на меня:

– Конечно, порох может вспыхнуть, но надобно его зажечь.

Любимое выражение мистера О'Таллагера: «Это может дурно окончиться» оправдалось на нем же. Он не имел средств завести новую школу в Чатаме и уехал из города.

Только после его отъезда я признался во всем капитану Бриджмену и тетушке Милли; но она не велела никому более о том рассказывать.

Глава IX

Только что мистер О'Таллагер уехал из города, бабушка начала настаивать, чтобы меня отдали в другую школу, и на этот раз матушка сама отвела меня в самую ближайшую к нашему дому, где со мною обходились хорошо, и я стал делать такие быстрые успехи, что бабушка начала думать обо мне не так дурно, как прежде.

Она стала обходиться со мною гораздо ласковее, так что и я перестал ее беспокоить, хотя страсть к шалостям развивалась во мне более и более.

Здесь можно заметить, что из многочисленных обожателей тетушки Милли только двое оказывали ей постоянное внимание. Один был поручик Флет, который был решительно влюблен в нее, и если бы его сколько-нибудь ободряли, то он давно бы был у ее ног; но тетушке он не нравился, тем более, что она очень любила капитана Бриджмена.

Мистер Флет был красивый мужчина, высокий и стройный, но он не казался тетушке довольно блестящей партией; как офицер он был тем же, чем был мой отец Бен как солдат.

Но, с другой стороны, капитан Бриджмен не подвигался вперед: он как будто находился в сомнении и не знал, на что решиться.

Дело в том что матушка, выйдя замуж за простого солдата, как будто препятствовала сестре своей быть женою офицера. Бен мог сказать: капитан наш родственник, что было бы совсем неприлично; капитан Бриджмен чувствовал это и преодолевал сколько мог страсть, зарождаемую в его сердце красотою моей тетушки.

Поручик Флет был слишком глуп и слишком равнодушен к мнению других офицеров, чтобы дорожить им; он давно бы женился на Милли, но тетушка, решившись непременно выйти замуж за офицера, не отчаивалась быть и капитаншей. Однако она не отказывала решительно Флету, но на всякий случай имела его в резерве.

Я бы очень хотел, сколько возможно, дать понятие читателю о матушкиной библиотеке и лавке. То была длинная комната, примыкавшая к зале, в которой мы всегда сидели, и которая отделялась от лавки стеклянною дверью. На окнах, обращенных на улицу, с одной стороны дверей выставлены были разные сорта бумаги, сургучи, чернильницы, детские книги, портфели, эстампы и карикатуры. С другой стороны, ленты, шляпки, перчатки, шарфы, иголки и все, необходимое для дам.

При входе стояли палки и трости; с одной стороны на столах картонные перчатками, лентами, пуговками и разными безделками; с другой духи, сигары, щетки, мыло и другие принадлежности туалета.

Эти товары занимали около десяти футов с каждой стороны лавки; остальная часть ее служила библиотекою для чтения.

В задней половине лавки поставлено было несколько стульев вокруг небольшого стола, на котором лежали газеты, и с каждой стороны дверей в нашу комнату стояли обручи, мячи и множество детских игрушек.

Дамские наряды были на руках у матушки; тетушка имела в своем распоряжении мужские, а остальная часть лавки и библиотека находились в руках обеих.

Редко случалось, что стулья у ящиков с безделками или около стола не были заняты; одни читали газеты или книги, другие разговаривали. Почти все посетители знали друг друга. Капитан Бриджмен и поручик Флет постоянно находились в лавке, и почти все офицеры Морского полка заходили к нам в продолжение дня.

Теперь я постараюсь описать общество, которое у нас собиралось.

Матушка, одетая с большим вкусом, распечатывает кипу новых книг. Тетушка Милли держит в руках кусок кисеи в пять вершков и как будто занимается работою. Мистер Флет сидит, развалившись на стуле, и смотрит на мух, летающих по потолку. Капитан Бриджмен, живой,

красивый мужчина, сидит возле счетного стола против тетушки Милли; в руках у него небольшая трость черного дерева с серебряным набалдашником и необыкновенно белые перчатки. У него быстрый, пронизательный взгляд, орлиный нос, тонкие губы и белые, как слоновая кость, зубы; физиономия его столько же полна огня и энергии, как она безжизненна у мистера Флета.

– Позвольте спросить вас, мисс Эмилия, – сказал капитан, показывая тростью на кусок кисеи, который она держала в руках, – чем вы занимаетесь? Этого слишком мало для какого угодно дамского наряда.

– Но довольно для манжет, капитан.

– Так вы делаете манжеты?

– Не верьте ей, капитан Бриджмен, – отвечала матушка, – она держит в руках кусок кисеи, чтобы иметь предлог не шалить.

– Я право не знал, что такая безделица может предохранить от шалостей, – сказал капитан.

– Вы знаете, капитан Бриджмен, – отвечала тетушка Милли, – что праздность есть мать пороков.

– Слышите, Флет? – сказал капитан.

– Что? – спросил Флет.

– Что праздность есть мать пороков; вы должно быть самый порочный человек.

– Я думал, – отвечал Флет.

– Вы, кажется, только недавно начали думать. О чем же или о ком вы думали?

– Я думал, много ли времени остается до обеда.

– Это очень неучтиво, мистер Флет; вы могли бы сказать, что думали обо мне, – заметила тетушка.

– Да, сначала я думал о вас, а потом об обеде.

– Не обижайтесь, мисс Эмилия; Флет делает вам большой комплимент, но я непременно хочу знать, зачем дамы напрасно портят кисею. Объясните мне это, миссис Кин?

– Извольте, капитан. Работа есть чрезвычайно важная вещь в руках женщины, когда она находится в обществе мужчин. Работа избавляет ее от труда смотреть вниз или на вас, когда вы говорите пустяки; работа мешает вам читать в глазах женщины, что происходит в ее душе, или отгадывать, какое действие произвели на нее ваши слова; работа часто избавляет и от замешательства, и еще чаще от краски; иногда женщина не знает, куда смотреть; иногда она вздумает смотреть туда, куда не нужно. Но иголка и кусок кисеи всему помогут, потому что женщина может смотреть на свою работу и не поднимать с нее глаз.

– Благодарю вас за объяснение; теперь я буду считать самым лестным комплиментом, если дама, разговаривая со мною, будет слишком прилежно заниматься работою.

– Но вы можете иногда ошибиться, капитан, – отвечала матушка, – внимание к работе может происходить от совершенного равнодушия и даже отвращения. Оно избавляет от труда быть любезною.

– Позвольте же, мне спросить, мисс Эмилия, какое чувство причиною вашего особенного внимания к работе в эту минуту?

– Быть может я избираю середину между обеими крайностями, – отвечала Эмилия, – а может быть, капитан, я больше люблю смотреть на кусок кисеи, чем на офицера.

– Это не слишком лестно для нас, – отвечал капитан, – если вы так пренебрегаете кисеею, то, верно, не захотите пренебрегать нами.

– Кисея недорого стоит, – тихо сказала Эмилия, отходя в другой угол лавки.

– Мистер Флет, – сказала матушка, – в прошедшем месяце кончился срок вашей подписки на книги. Я думаю, можно снова записать вас?

– Пожалуй; впрочем, я никогда не читаю книг, – отвечал мистер Флет, зевая.

– В этом нет никакой необходимости, – сказала матушка, – если вы не читаете, то приходите сюда говорить.

– Ну, так а сыщу себе другое место, – отвечал мистер Флет, – и – тогда...

– Что тогда? – спросила тетушка Милли улыбаясь.

– Я и сам не знаю, – отвечал Флет. – У вас верны часы, миссис Кин?

– Верны, но я боюсь, что ваши мысли бегут скорее часов; вы думаете об обеде?

– Нет, неправда.

– Так о самом себе?

– Нет, миссис Кин, – сказал Флет вставая.

– Я скажу вам, – сказал он, возвращаясь, – а думал не о себе, но о моей собаке.

Матушка и капитан Бриджмен захохотали, когда Флет вышел из лавки.

– Бедный Флет, – сказал капитан, – вы свели его с ума, мисс Эмилия.

Тут вошли две дамы. Капитан Бриджмен учтиво поклонился им.

– Надеюсь, что миссис Гендбель находится в добром здравье, – сказал он, – о здравье мисс я не спрашиваю, видя ее прекрасный цвет лица.

– Вы, капитан, кажется, живете здесь в библиотеке; я удивляюсь, как миссис Кин не возьмет вас в долю.

– Если бы меня не удостаивали посещением миссис Гендбель и другие дамы, то моя лавка не имела бы ничего привлекательного для мужчин, – отвечала матушка.

– Миссис Кин не ошиблась, мисс Гендбель, – сказал капитан Бриджмен, – увидя вас, я не считаю утро потерянным.

– Если верить слухам, капитан, – отвечала миссис Гендбель, – то для вас все равно, есть ли здесь дамы или нет. Миссис Кин, есть у вас узкие французские ленты?

– Есть, сударыня; вот целый сверток.

– Хорошо, но я не знаю точно, сколько мне нужно; отмерьте мне, а я пришлю, что останется.

– Угодно вам будет взять их с собою или прикажете прислать?

– Они сейчас нужны мне; мерьте скорее, я тороплюсь домой.

– Не угодно ли вам будет взять все с собою, – отвечала матушка, – и смерить самим, чтобы не дожидаться.

– Вы, кажется, имеете ко мне большую доверенность, – отвечала миссис Гендбель, – я постараюсь не остаться у вас в долгу.

Матушка улыбнулась, завернула ленты в бумагу и передала их миссис Гендбель, которая, поклонясь капитану Бриджмену, вышла из лавки.

– Я думаю, вы не имели бы ко мне столько доверенности? – спросил капитан Бриджмен.

– Быть может. Эмилия говорит, что когда вы помогаете ей считать сигары, то всегда считаете неверно.

– Она сказала это? Но смотрите, если я не ошибаюсь, сюда идет прекрасная мисс Ивенс; кажется, она часто посещает вашу библиотеку.

– Она очень много читает.

– Дамы, которые любят читать, редко любят работать.

– Доброе утро, мисс Ивенс, – сказал капитан, – вы пришли за пищею для ума?

(Мисс Ивенс обратилась к матушке).

– Нет ли чего-нибудь нового, миссис Кин? Я принесла три части Годольфина.

– Да, мисс, сегодня есть новые книги.

Между тем, как мисс Ивенс выбирает книги, входят несколько офицеров морского полка за сигарами. Эмилия подает им сигары, они выбирают, громко разговаривая. Еще три дамы входят за книгами.

Около трех часов посетители становятся реже; в пять часов библиотека пустеет. Я возвращаюсь из школы, Бен приходит из казарм, и матушка с тетушкой Милли идут в зал к бабушке, которая вяжет чулок.

Вот краткий очерк того, что каждый день происходило в нашей лавке. Торговля матушки шла чрезвычайно успешно. Тетушка Милли все еще находилась в нерешимости между поручиком Флетом и капитаном Бриджменом, а я разделял свое время и способности между учением и шалостями.

Глава X

Через шесть месяцев после того, как я расстроил школу мистера О'Таллагера, рота, к которой принадлежал отец мой Бен, отправлена была на корабле «Редутабль» в Ост-Индию. Не стану скрывать, что матушка была очень рада его отъезду; она желала даже, чтобы он не возвращался, потому что стыдилась называть его мужем и чувствовала, что он препятствует счастью ее сестры.

Итак, в один прекрасный день Бен простился со всеми нами; матушка была так великодушна, что снабдила его всем, чем могла. Мне кажется, что Бен также не тужил, расставаясь с нами, потому что при всей своей глупости он видел, что не только матушка, но и все домашние обходились с ним, как со слугою.

Случилось, что через месяц после отъезда Бена капитан Дельмар, через своего дядю лорда де Версли, получил под команду фрегат, стоявший в Медвее, и приехал в Чатам. Он не воображал, что здесь жила матушка, потому что давно потерял ее из виду, и если бы не я, то, может быть, он уехал бы из города, ничего не подозревая.

У меня была собака, которую подарил мне поручик Флет, и на досуге я выучил ее делать разные штуки. Самая любимая забава моя (насчет других) состояла в том, что я сделал из пеньки густой и толстый хвост с крючком на одном конце и навешивал его на воротник прохожим. Собака моя Боб была выучена мною скакать за хвостом по моему приказанию, где бы он ни висел, и висеть, вцепясь в него зубами.

Можно себе представить, как это смешило всех в казармах. Капитан Бриджмен смеялся более других; но вне казарм было совсем другое дело. Многие старушки падали без чувств от страха, когда я прицеплял хвост к их платью и заставлял кидаться за ним собаку.

Однажды после обеда, крейсируя с Бобом по улицам, я заметил капитана Дельмара, шедшего во всем блеске полной формы, с маленьким мичманом и подумал: славно бы привесить хвост к такому прекрасному мундиру. Искушение сделалось так велико, что я уже приготовил хвост, но боялся, чтобы меня не заметил мичман.

Капитан Дельмар прошел мимо меня, за ним маленький мичман, и я уже думал, что пропустил случай, как вдруг капитан остановился и, обратясь к мичману, спросил, взял ли он с собою приказ? Мичман приложил руку к шляпе и отвечал: «Нет». Капитан сделал ему строгий выговор, зачем он позабыл то, что позабыл капитан, а я в это время опять прошел мимо.

Мне представился такой случай, которым я не мог не воспользоваться, и, прицепив хвост к шитому воротнику капитанского мундира, я перешел с Бобом на другую сторону улицы.

Капитан Дельмар, дав порядочный нагоняй мичману, продолжал свой путь. Я подождал Боба, давно ожидавшего моих приказаний, и, показав на капитана, свистнул. Собака мигом перелетела через улицу и, скакнув на спину капитану Дельмару, схватила хвост, сжала его зубами и повисла на воздухе.

Капитан Дельмар оторопел от неожиданного нападения. Сначала он не мог понять, что это было, но, обернув назад голову, увидел своего неприятеля.

В это время я стал кричать: «Бешеная собака!», и капитан Дельмар, услыша эти ужасные слова, испугался не на шутку. Треугольная шляпа слетела с его головы, и он бросился бегом по улице с Бобом за спиной.

Первая отпертая дверь, которую он заметил, вела в матушкину библиотеку; он бросился в нее, умоляя о помощи, и чуть не сшиб с ног капитана Бриджмена, разговаривавшего с тетюшкою Милли. Сабля попала ему между ног, и он полетел на пол. Хвост выпал, и Боб ускакал из лавки, неся свою добычу ко мне, а мы, стоя на улице с маленьким мичманом, помирали со смеху. Боб принес мне хвост, который я спрятал в карман и с серьезным видом вошел в

матушкин дом через задние двери и запер Боба в чулан. Маленький мичман, подняв капитанскую шляпу, мигнул мне значительно глазом, давая знать, что он меня не выдаст.

Между тем капитан Дельмар успел встать на ноги с помощью капитана Бриджмена, который очень хорошо знал, кто сыграл такую штуку, и вместе с тетушкой Милли едва удерживался от смеха.

– Что со мною было? Неужели собака бешеная? Не укусила ли она меня? – вскричал капитан Дельмар, падая на стул.

– Я, право, не знаю, – отвечал капитан Бриджмен, – но вы, кажется, не укушены, и даже мундир ваш не изорван.

– Какая собака – чья это? Ее надобно немедленно расстрелять; я отдам приказ, я буду жаловаться адмиралу. Позвольте мне стакан воды. Вы здесь, мистер Дотт? Как вы могли позволить собаке броситься на меня таким образом?

– Я выхватил свой кортик и хотел убить ее, но вы бежали так скоро, что я не мог догнать вас, – отвечал мичман, подавая шляпу капитану.

– Хорошо, ступайте на шлюпку и ждите меня.

В это время матушка, одевавшаяся в другой комнате, вышла со стаканом воды. Видя офицера в блестящем капитанском мундире, она превратилась в грацию и улыбку, но, взглянув ему в лицо, вскрикнула и уронила поднос на пол, к удивлению капитана Бриджмена и тетушки Милли, которая, никогда не быв в замке, не знала капитана Дельмара.

В эту минуту вошел и я, как будто ни в чем не бывало, но удивился, как и все, замешательству матушки; однако она скоро пришла в себя и просила капитана Дельмара отдохнуть в соседней комнате. Когда матушка уронила поднос, капитан, взглянув ей в лицо и узнав ее, сказал тихим голосом: «Странно, так неожиданно!» Потом он встал со стула и последовал за матушкой в другую комнату.

– Кто это? – тихо спросила тетушка Милли капитана Бриджмена.

– Кажется, это новый командир «Каллиопы» – капитан Дельмар.

– Это верно он, – отвечала Милли, – сестра моя была воспитана его теткою, и неудивительно, что она смешалась, встретя его так неожиданно. Персиваль, негодный мальчик, – продолжала Милли, грозя мне пальцем, – это все твои проказы.

– О, тетушка Милли, если б вы видели, как он бежал! – отвечал я смеясь.

– Вперед я советую тебе не шутить с капитанами, – сказал капитан Бриджмен, – если ты не хочешь навлечь на себя неприятностей. Боже мой! – вскричал он смотря мне в лицо.

– Что с вами? – спросила тетушка Милли.

Капитан Бриджмен наклонился к ней, и я слышал, как он прошептал: «Какое удивительное сходство между ним и капитаном Дельмаром».

Милли покраснела, кивнула головою и, улыбаясь, отвернулась. Капитан Бриджмен задумался; он стучал тростью по сапогу и не сказал ни слова.

Через четверть часа матушка отворила дверь из залы, в которой оставалась с капитаном Дельмаром, и позвала меня туда. Я вошел со страхом, думая, что меня станут бранить, но мои опасения скоро рассеялись. Капитан Дельмар подал мне руку, погладил меня по голове, сказав, что он уверен, что я умный мальчик, в чем я скромно принужден был сознаться. Матушка, стоявшая сзади, подняла глаза, услыша такой ответ. Потом капитан Дельмар простился с нею, обещая снова зайти в скором времени, и, погладив меня по голове, вышел из лавки.

Едва он вышел, матушка обратилась ко мне:

– Ты негодный, злой мальчик, – сказала она. – Я велю убить собаку, если ты не дашь мне обещания вперед этого не делать.

– Чего не делать, матушка?

– Не прикидывайся передо мною невинным. Я знаю, что у тебя сделан хвост, за которым бросается Боб; это хорошо в казармах с солдатами, но знаешь ли, с кем ты теперь сыграл такую дерзкую штуку?

– Нет, не знаю. Кто же он?

– Кто он, негодное дитя? Он – он капитан Дельмар.

– Ну так что ж? Он морской капитан, не более?

– Да, он – племянник дамы, которая любила и воспитала меня. Он устроил мою свадьбу, и если бы не он, тебя не было бы на свете.

– А, это другое дело, – отвечал я. – Но если бы не я, то он никогда не зашел бы в лавку и не нашел вас.

– Пора бросить шутки, Персиваль; ты должен быть почтителен к капитану Дельмару и не играть с ним шток. Ты будешь видеть его очень часто, и может быть, он примет в тебе участие и тогда сделает для тебя много добра. Обещай же мне это.

– Извольте, матушка, я обещаю вам оставить его в покое, если вам угодно. Ах, если б вы видели, как смеялся над ним мичман, когда он бежал по улице.

– Ступай прочь, негодный, и помни свое обещание, – сказала матушка, входя в лавку, но капитана Бриджмена, которому она хотела объяснить, от чего у нее выпал поднос, там уже не было.

В этот вечер матушка долго разговаривала о чем-то с бабушкой; меня с тетушкой послали гулять, чтобы мы не слушали их разговора, но когда мы возвратились домой, они все еще сидели вместе и шептались.

Глава XI

Капитан Дельмар сделался частым гостем матушки и постоянным подписчиком библиотеки. Однако он всегда приходил поздно после обеда, когда офицеров уже не было в лавке; он был слишком горд для того, чтобы быть вместе с простыми офицерами.

Мне часто случалось слышать намеки, не слишком лестные для матушки, насчет ее короткости с капитаном Дельмаром, потому что всегда есть люди, которые знают то, чего им знать не надо. Но подобные замечания никогда не делались в присутствии матушки; напротив, дружба ее с капитаном Дельмаром еще более возвышала ее в глазах посторонних людей.

Она беспрестанно показывала мне необходимость заслужить расположение такой высокой особы, и чем более она это делала, тем более я чувствовал наклонность ее не слушаться. Я бы давно стал действовать открыто, если бы матушку не поддерживал капитан Бриджмен, и когда однажды я сообщил ему свое желание сыграть новую штуку с благородным капитаном, он не только отказался помогать мне, но сказал, что ежели я когда-нибудь это сделаю, то он никогда не будет принимать меня к себе.

– Но что он может для меня сделать? – спросил я.

– Он может быть очень для тебя полезен. Как знать, быть может, он определит тебя на службу.

– Как, сделает меня мичманом?

– Да, из мичмана ты дослужишься до капитана, а там будешь и адмиралом, – сказал капитан Бриджмен, – итак, будь послушен матушке, будь вежлив с капитаном Дельмаром, и он будет для тебя добр, как отец.

– Это не слишком много, – отвечал я, думая об отце Бене, – я бы лучше хотел иметь двух матерей, чем двух отцов.

На этом наш разговор кончился.

Я свел тесную дружбу с мичманом Доттом, который всегда был при капитане Дельмаре, как Боб при мне, и который всегда оставался со мною, между тем как капитан его был у матушки. Он был такой же шалун и проказник, как я, и как ни боялся своего капитана, но часто охота шалить превозмогала в нем страх. Матушка очень полюбила его, и когда его отпускали гулять, приглашала к нам. Мы шалили вместе, забавляя друг друга на чужой счет, и скоро сделались ужасом всех соседних старух и нищих.

Когда до капитана Дельмара доходили слухи о моих проказах, он принимал грозный и сердитый вид; но я был не мичман, и мне нечего было его бояться. Наконец, представился случай, которым я не мог не воспользоваться, но не смея сообщить своего плана ни Милли, ни капитану Бриджмену, я сообщил его Тому Дотту, маленькому мичману, который, не заботясь о последствиях, обещал быть моим товарищем.

В Чатаме открылся театр, и представления имели необыкновенный успех. Я был там один раз с тетушкой. Милли и два раза с Доттом. Слухи носились, что одна из актрис, которая скоро должна была иметь бенефис, особенно желала приобрести покровительство капитана Дельмара и с свойственной женщинам хитростью прибегла к матушке с просьбою склонить на ее сторону капитана. Матушка, обрадованная мыслью, что может оказывать покровительство, умела так убедить капитана, что дня через два афиши возвестили всему городу, что в пятницу вечером дана будет драма «Незнакомец» и какой-то фарс для бенефиса мисс Мортимер, под покровительством капитана Дельмара и офицеров фрегата Его Величества «Каллиопы». В знак благодарности бенефициантка прислала матушке несколько билетов, и два из них я сберег для себя и для Томушки Дотта.

Капитан Дельмар пригласил множество дам и всех своих офицеров, так что театр был полон. Матушка с тетушкой Милли также имели ложу. Мы с Томушкой Доттом вошли в театр

вместе с ними, но потом пробрались в раек и сели прямо над капитаном Дельмаром, который с дамами и офицерами занимал весь первый ярус, но не мог нас видеть.

Представление началось. Мисс Мортимер была неподражаема в своей роли и в последней сцене заставила всех прослезиться. Но нам также пришлось на мысль растрогать публику до слез.

Мы купили фунт лучшего шотландского табаку и, разделив его на две части, завернули каждую в бумагу и положили к себе в карман. План наш состоял в том, чтобы выбросив весь табак разом, рассыпать его во все стороны.

В райке возле нас не было никого, кроме мичманов и людей, на которых мы могли положиться, что они нас не выдадут.

По условленному сигналу в ту самую минуту, когда актриса, игравшая роль чувствительной супруги, отдавала любовное письмо своему мужу, мы попотчевали табакom почтенную публику, бросив его разом через театр. В несколько минут произошел блестящий эффект; гости, приглашенные капитаном Дельмаром, сидя прямо под нами, вероятно, получили на свою долю большую часть табаку и начали беспрестанно чихать. Примеру их последовали зрители, сидевшие в других ложах, потом партер и, наконец, мисс Мортимер и «Незнакомец» стали так часто чихать, что не могли сказать друг другу ни слова.

Детей подвели к родителям, чтобы довершить их примирение, но они, бедняжки, только чихали. Наконец, тревога сделалась ужасная, и занавес опустился не при громких аплодисментах, но при громком чихании со всех сторон.

Ничто не могло быть забавнее этой сцены. Директор труппы разослал отыскивать виновных, но все труды были напрасны. Тогда он сам вышел на сцену, чтобы извиниться перед зрителями, но чихнув семь или восемь раз, принужден был уйти, зажимая нос платком. Публика, находя невозможным удерживаться от чихания, бегом бросилась из театра, оставляя актеров доканчивать фарс перед пустыми ложами.

Излишним считаю говорить, что, бросив на зрителей табак, мы с Доттом сошли вниз и смиренно заняли свои места возле матушки, прикидываясь столько же удивленными и столько же чихая, как и все зрители.

Капитан Дельмар был вне себя, видя такое неуважение к его гостям, и если бы нас открыли, не знаю, что было бы со мною, а Томушке Дотту пришлось бы плохо. Но мы не выдавали друг друга и вышли сухими из воды.

Без сомнения, тетушка Милли и капитан Бриджмен подозревали меня, и тетушка старалась даже выпытать у меня нашу тайну, но без успеха. Матушка также начинала догадываться, но так как капитан Дельмар ничего не знал, то это и не имело никаких последствий.

Такой необыкновенный успех вводил нас в сильное искушение сыграть еще какую-нибудь штуку с благородным капитаном. Но он спасся от нас тем, что фрегат Е.В. «Каллиопа» был вооружен и совсем готов к выходу в море. Он должен был идти в Портсмут, чтобы там ожидать приказаний лордов адмиралтейства, и капитан Дельмар пришел с нами проститься.

Учитель мой удивлялся моим успехам, и капитан Дельмар спросил меня в первый раз, хочу ли я быть моряком. Помня, что мне советовали не отказываться от предложений благородного капитана, я отвечал, что хочу; на это он сказал мне, что если я буду всегда хорошо учиться, то через год он возьмет меня к себе на фрегат.

Потом он погладил меня по голове и, пожав руки матушке и тетушке Милли, вышел из дому с Томушкой Доттом, который уходя весело кивнул мне головою.

Я давно уже не говорил ни слова о своей бабушке. Дело в том что когда явился капитан Дельмар, по какой-то причине, которую я не мог понять, она объявила, «что хочет съездить в замок повидаться со старыми знакомыми». Так она и сделала. После я узнал, что она терпеть не могла благородного капитана, но причину такого отвращения никто не открыл мне. Скоро после отплытия «Каллиопы» она опять явилась, заняла свое прежнее место на старом кресле и по-прежнему стала вязать чулок.

Глава XII

Быстро пролетел год: мне минуло тринадцать лет. Я сделался сильным, смелым мальчиком, как будто созданным для морской службы, и начинал терять терпение, ничего не слыша о капитане Дельмаре, когда пришли новости с другой стороны.

В одно утро капитан Бриджмен пришел ранее обыкновенного; видно было, что он старался принять печальный и серьезный вид. Я не ходил в школу и тотчас подбежал к нему; но он отстранил меня, сказав: «Мне необходимо тотчас видеть твою матушку, чтобы сообщить ей важные новости».

Матушка пригласила капитана в залу, а меня с тетушкой Милли оставила в лавке. Через несколько минут к нам вышел капитан Бриджмен.

– Что случилось? – спросила Милли.

– Прочитайте эту газету, – сказал он, – здесь напечатана депеша из Индии, из которой вы все узнаете. Вы можете показать ее сестрице, когда она придет в себя.

Любопытствуя знать, в чем дело, я вошел в залу и увидел матушку, бледную и расстроенную, которая сидела, закрыв лицо руками.

– Что с вами матушка? – спросил я.

– О, дитя мое, дитя мое! – вскричала матушка, ломая руки. – Ты сирота, а я несчастная вдова.

– Как так? – спросил я.

– Как? – повторила бабушка. – Неужели ты так глуп, что не понимаешь, что твой отец умер.

– Отец умер? – спросил я. – Пойду расскажу тетушке Милли. – И я подбежал к Милли и застал ее читающей газету.

– Тетушка, – сказал я, – отец-то мой ведь умер!

– Удивляюсь, как он умер.

– Он убит в сражении, – отвечала тетушка. – Смотри, вот список убитых и раненых. Видишь имя твоего отца: Бенжамен Кип.

– Дайте мне все прочесть, тетушка, – сказал я, взяв у нее газету; и меня скоро заняло описание сражения.

Читатели не должны считать меня бесчувственным, видя, что я не грустил о смерти отца; стоит только вспомнить, в каком унижении я всегда привык его видеть, и как обходилась с ним матушка, не подававшая мне примера ни любви к нему, ни уважения.

Но меня чрезвычайно удивляло то, что теперь матушка так много тосковала. Я тогда еще не знал света и не понимал, что она должна была из приличия казаться печальною. Тетушка Милли, по-видимому, не принимала в этом никакого участия, хотя часто задумывалась. Прочитав депешу, я положил газету и сказал: «Мне пора идти в школу, тетушка?»

– Нет, тебе несколько дней нельзя будет ходить в школу, – отвечала она, – ты должен будешь оставаться дома и ждать, пока тебе сошьют траур.

– Во всяком случае, я этому очень рад, – отвечал я. – Удивляюсь только, отчего капитан Дельмар не присылает за мною; мне надоела школа.

– Ты скоро о нем услышишь, – сказала тетушка, – останься здесь в лавке, а я пойду к твоей маме.

Правду сказать, мне казалось, что смерть Бена очень обрадовала всех, собравшихся в зале. Что касается до меня, то я радовался только тому, что несколько дней могу гулять, мало думая о том, жив он или умер.

Войдя в залу, я застал всех в хлопотах о трауре. Матушка, во-первых, не хотела показать, что много печалится о потере мужа, которого стыдилась, и во-вторых, терпеть не могла глубоко-

кого траура. Решено было, что так как прошло уже шесть месяцев со смерти Бена, то теперь можно носить полутраур.

Через три дня матушка опять явилась в лавке. Она была очень интересна в полутрауре, а также тетушка Милли, и офицеры морских полков, особенно капитан Бриджмен и поручик Флет были в восторге.

Казалось, что со смертью Бена исчезло затруднение выдать тетушку за офицера, и бабушка решила узнать намерения капитана Бриджмена, и в случае неудачи с этой стороны убедить Милли выйти замуж за мистера Флета.

Раз вечером матушка с тетушкой вышли гулять, когда пришел капитан Бриджмен. Бабушка просила его в залу, а мне велела остаться в лавке и позвать ее, если будет нужно.

Входя в залу, они неплотно притворили за собою дверь, и я мог слышать весь их разговор, потому что бабушка, будучи очень глуха, как почти все глухие, говорила очень громко; а капитан Бриджмен также должен был почти кричать, чтобы она могла его слышать.

– Капитан Бриджмен, – сказала старушка, – я хочу просить вас сообщить мне ваше мнение об одном деле, касающемся до моей дочери Эмили. Прошу вас садиться.

– Я к вашим услугам, – отвечал капитан.

– Вы, вероятно, имели случай видеть, что дочь моя Эмилия получила хорошее воспитание по доброте моей старой покровительницы, миссис Дельмар, тетки благородного капитана Дельмара, которого вы здесь часто встречали. Я пятьдесят лет жила в этом семействе, капитан Бриджмен; старый лорд очень любил моего мужа, но он, бедняжка, давно умер. Я уверена, что при жизни своей он не перенес бы замужества Арабеллы с простым солдатом; но что сделано, того не воротить, и теперь уже все кончено.

– Конечно, очень жаль было, что миссис Кин поступила так необдуманно, – отвечал капитан, – но ваша правда, теперь все кончено.

– Да будет воля Божия, капитан Бриджмен. Вы видите, что замужество Беллы много повредило сестре ее Эмили, которая всегда была доброю и прекрасною девушкою и могла бы принести хорошее приданое своему будущему мужу. Отец ее, живя у Дельмаров, не оставался праздным, и моя Эмилия не будет ни в чем иметь нужды, если выйдет замуж с согласия своей матери.

При этом интересном месте разговора капитан Бриджмен стал внимательнее слушать бабушку.

– Вы говорите о хорошем приданом, сударыня? Я прежде никогда об этом не слышал; что вы разумеете под хорошим приданым?

– Четыре тысячи фунтов стерлингов, капитан Бриджмен; половину теперь, а другую после моей смерти.

– Я никогда не думал, чтобы мисс Эмилия была так богата, – сказал капитан Бриджмен, – она слишком достойная девица, чтобы иметь нужду в богатстве.

– Теперь, – продолжала бабушка, – дело, о котором я хотела с вами посоветоваться, состоит вот в чем. Вы знаете, что поручик Флет часто бывает здесь, и что ему давно уже нравится моя дочь; он почти уже сделал предложение, но он не нравится Эмили. Мне кажется, капитан Бриджмен, что хотя мистер Флет и не ловок, но он достойный молодой человек; однако нельзя не быть осторожною, и потому я хотела спросить вашего мнения, может ли мистер Флет сделать мою дочь счастливою.

– Позвольте мне быть с вами откровенным, – отвечал капитан. – Мне кажется, что такая девица, как мисс Эмилия, не может быть счастливою за моим другом мистером Флетом. Впрочем, я ничего не могу сказать против него.

– Он очень красивый мужчина, капитан Бриджмен.

– Да; в нем нет ничего дурного.

– Прекрасного характера.

– Да, он не вспыльчив.
– Я слышала, что он хороший офицер.
– Да, он никогда не был под арестом.
– Что ж, в человеке невозможно найти все совершенства; он недурен собою, добр и хороший офицер; мне кажется, Эмилии нет причины не любить его, особенно, если сердце ее свободно. Вы очень обрадовали меня вашими отзывами, капитан Бриджмен, и теперь я постараюсь убедить Эмилию выйти за мистера Флета.

Капитан Бриджмен оставался в нерешимости.

– В самом деле сударыня, если сердце ее свободно, то есть совершенно свободно, мне кажется, она не может лучше поступить. Не угодно ли вам, чтобы я поговорил с мисс Эмилией об этом предмете?

– Вы очень добры, капитан Бриджмен. Быть может, вы успеете убедить ее выйти за вашего друга.

– Во всяком случае, я постараюсь узнать ее истинные чувства, – сказал капитан вставая.

Ожидания бабушки сбылись. Смерть Бена и неожиданное богатство Эмилии поколебали нерешительность капитана Бриджмена. На другой день он сделал предложение, и через шесть недель тетушка Милли была его женою.

Свадьба была очень веселая; нашлись, однако, люди, которые смеялись; но где не смеются люди? Везде и всегда одни завидуют счастью других. Две или три подпоручицы объявили, что они ни за что не поедут к миссис Бриджмен; но когда полковник с супругою приехали поздравить молодых и дали в честь их бал, подпоручицы бегом спешили с визитами.

Через несколько недель восстановился прежний порядок. Матушка не хотела сдавать своей лавки, которая приносила ей слишком много выгод, но свободнее обходилась с покупателями, и когда люди нашли, что матушка не стыдится своего звания, несмотря на то, что ее сестра замужем за капитаном, ее стали еще более уважать. А она все еще была прекрасна, к тому же вдова, некоторые офицеры морского полка сильно за нею ухаживали; но матушка не имела намерения снова выходить замуж и предпочитала остаться *in statu quo*. Кроме меня, ей не о ком было заботиться, и для меня она продолжала содержать лавку и библиотеку, хотя могла бы без торговли жить независимо.

Какова бы ни была матушка, быв девушкою, теперь она стала умною, рассудительною женщиною. Для нее тягостно было даже подумать, что она должна будет отпустить меня в море. Я был ее единственным ребенком, одного ее заботою. Я чувствовал, что она нежно любила меня, хотя не так часто ласкала, как тетушка Милли; но она знала, что для моей пользы мне необходимо заслужить покровительство капитана Дельмара, и жертвовала собою для моих выгод.

Глава XIII

Через месяц после тетушкиной свадьбы, мы получили письмо от капитана Дельмара, который, приехав в Спитгед, просил матушку как можно скорее прислать меня в Портсмут и не беспокоиться об издержках на обмундировку, которые он хотел взять на себя.

Это было печальное известие для матери, но делать было нечего; она отвечала, что через три дня я приеду.

Она тотчас взяла меня из школы, чтобы наглядеться на меня до отъезда, и хотя не старалась меня удерживать, но я часто замечал, как слезы катились по ее щекам.

Бабушка сочла за нужное в продолжение нескольких часов говорить мне длинные речи, сущность которых можно передать в немногих словах: что я был негодный мальчик и теперь стал немного лучше; что меня избаловали, и что к счастью моему тетушка Милли уже не так часто со мною видится; что на военном корабле нельзя так шалить, как дома; что капитан Дельмар важный человек, и что я должен уважать его; что рано или поздно я буду благодарить ее за ее доброту ко мне, что она надеется, что я буду хорошо вести себя, а в противном случае уверена, что меня часто будут наказывать.

Наконец, мне надоела одна и та же песня, и на третий вечер я прервал ее, сказав: «Фу, бабушка, какая вы болтунья!» На это почтенная старушка назвала меня негодяем и сказала, что мне не миновать виселицы. Вследствие этого мы не совсем дружелюбно расстались с бабушкой, и уезжая, я искренне желал, чтобы к моему возвращению она отправилась к предкам.

На следующее утро я простился с дорогою тетушкой Милли и с капитаном Бриджменом; получил сухой поцелуй от бабушки, которая целует меня как будто думала, что ее губы прикасаются к чему-нибудь ядовитому, и отправился с матушкой в Портсмут.

Прибыв благополучно в Портсмут, мы остановились в гостинице. На другой день, одевшись с большим вкусом и спустив черную вуаль, матушка пошла со мною к капитану Дельмару.

Матушка послала свою карточку, и нас тотчас впустили. Войдя в комнату, мы нашли капитана Дельмара в полной форме, сидевшего у стола за бумагами. По одну сторону стола стоял лейтенант со шляпою в руке; по другую капитанский писарь с бумагами. Приятель мой Дотт стоял у окна и от нечего делать ловил мух; метрдотель стоял за стулом, ожидая приказаний.

Матушка, опустив вуаль, чтобы не видно было ее лица, поклонилась капитану Дельмару, который встал и учтиво просил ее садиться и немного подождать.

Мне казалось, что благородный капитан хотел показать матушке всю власть и достоинство капитана флота его королевского величества.

На меня он не обращал внимания. Томушка Дотт мигнул мне одним глазом, а я высунул ему язык; но все были слишком заняты, чтобы заметить наше дружеское приветствие. Капитан Дельмар отдал несколько приказаний и потом отпустил офицеров.

Едва мы остались одни, капитан обратился к матушке и стал говорить высоким слогом, противоречившим его прежней учтивости пред другими. Он сказал ей, что берет меня под свое покровительство, платит за все мои издержки и будет стараться о моем повышении.

Матушка не находила слов благодарить капитана и сквозь слезы сказала, что мальчик будет почитать его, как родного. На это капитан Дельмар не отвечал ни слова, но, переменяя разговор, сказал, что он через три или четыре дня уходит в море и что должно скорее обмундировать меня; он советовал матушке возвратиться в Чатам и оставить меня у него.

При мысли, что должно расстаться со мною, матушка горько заплакала. Капитан Дельмар встал со стула и, взяв ее за руку, старался утешить. Матушка отняла платок от глаз и, тяжело вздохнув, сказала капитану Дельмару, устремляя на него умоляющий взгляд:

«О, капитан Дельмар, смотря на этого мальчика, который для меня так дорог, помните, сколько жертв я принесла для вас».

– Я не оставлю его, – отвечал капитан, несколько смутившись, – но с вашей стороны я требую молчания; вы должны обещать мне, что никакие обстоятельства...

– Я тринадцать лет повиновалась вам, – сказала матушка, – и теперь не забуду своего обещания; мне тяжело расстаться с ним, но я оставлю его на руках...

– Вы забываете, что мальчик здесь, – прервал капитан Дельмар. – Теперь возьмите его с собою, завтра поутру я пришлю за ним моего урядника, а вы поезжайте в Чатам.

– Благодарю вас, – сказала матушка плача, и простясь с капитаном, мы вышли из комнаты.

Дорогою я спросил у матушки:

– Какая у вас тайна с капитаном Дельмаром?

– Тайна! О, это об одном происшествии, которое случилось в то время, когда я жила у его тетки, и о котором он не хочет рассказывать; тебе незачем об этом спрашивать.

Возвратясь домой, матушка дала мне множество советов. Она сказала, что, потеряв отца в Бене, я должен смотреть на капитана Дельмара как на отца; что Бен был верным слугою капитана, а она всем обязана его тетке, миссис Дельмар, и что поэтому капитан Дельмар принимал во мне такое участие и обещал столько для меня сделать; просила меня уважать его и никогда не играть с ним штурк, говоря, что иначе он отошлет меня домой, и я никогда не буду офицером.

Признаюсь, советы эти не были выслушаны с должным вниманием, потому что мне ни с кем так не хотелось сыграть какую-нибудь штурку, как с благородным капитаном; однако я обещал выполнить советы матушки и взамен просил ее беречь мою собаку Боба.

Матушка много плакала ночью. На другое утро она дала мне пять гиней и сказала, чтобы я обращался к капитану Дельмару, если буду иметь в чем-нибудь нужду. Она завязала мое белье в платок, и вскоре урядник явился, требуя меня на службу его величества.

– Я пришел за ними, сударыня, – сказал урядник, высокий, красивый моряк, чисто и опрятно одетый. Матушка обняла меня и залилась слезами.

– Извините, сударыня, – сказал он, помолчав с минуту, – неужели вы не можете заплакать, когда он уйдет? Если я долго останусь здесь, то мне не миновать линьков, и это так же верно, как то, что мое имя Боб Кросс.

– Я недолго задержу тебя, – отвечала матушка. – Быть может, я никогда более его не увижу.

– Конечно, это правда; моя бедная мать никогда меня более не видела, – отвечал урядник.

Это замечание не очень утешило матушку. Снова наступило молчание; урядник опять подошел.

– Извините, сударыня, но если вы слышали что-нибудь о капитане Дельмаре, то, верно, знаете, что с ним нельзя шутить, и не захотите наделать мне беды. Тяжело расставаться с сыном, я сам знаю, но ваши слезы меня не оправдают.

– Возьми же его, – отвечала матушка, судорожно прижимая меня к сердцу, – возьми его. Бог да благословит тебя, Персиваль.

Я снова поцеловал мою бедную матушку; она передала меня уряднику и, взяв со стола несколько серебряных монет, положила ему в руку.

– Благодарю вас, сударыня. Великодушно думать о других, когда сами расстроены, и я никогда этого не забуду. Я буду немного присматривать за вашим сыном, и это так же верно, как мое имя Боб Кросс.

Матушка упала на софу и закрыла лицо платком.

Боб Кросс взял узелок и увел меня. Я был грустен, потому что любил матушку, и несколько времени мы шли, не говоря ни слова.

Урядник первый прервал молчание:

– Как ваше имя, малютка? – сказал он.

– Персиваль Кин.

– А я думал, по вашему кливеру, не родня ли вы нашему капитану. Как бы то ни было, умное дитя то, которое знает своего отца.

– Отец мой умер, – отвечал я.

– Умер? Что ж! Отцы часто умирают; должно уметь жить без отца. Мой отец ничего для меня не сделал, а только помогал матушке сечь меня, когда я шалил.

Читатель из того, что он знает о Бене, легко может отгадать, что я был одного мнения с Бобом Кроссом.

– Я думаю, вы никого не знаете на фрегате?

– Я знаю мичмана Дотта; я знал его, когда фрегат стоял в Чатаме.

– О, вас парочка с мистером Доттом. Он, как говорят, великий человек на малые дела; в нем одном больше хитрости, чем в двух женских головах. Ну, вот мы и пришли, и я доложу о вашем приходе.

Боб Кросс послал вестового к капитанскому камердинеру, который доложил капитану Дельмару. Меня позвали, и я опять очутился в присутствии благородного капитана и еще какого-то старика в белокуром парике.

– Вот мальчик, – сказал капитан Дельмар, когда я вошел в комнату. – Вы знаете, что ему нужно; прошу вас хорошенько обмундировать его и потом прислать ко мне счет.

– Ваши приказания будут исполнены, капитан, – сказал старичок, низко кланяясь.

– Вы лучше немного для него шейте, он скоро растет.

– Ваши приказания будут в точности исполнены, капитан, – отвечал старичок с новым поклоном.

– Я не знаю, что мне делать с ним сегодня и завтра, пока не готов его мундир, – продолжал капитан. – Я думаю отослать его на фрегат.

– Если позволите, капитан Дельмар, – сказал старичок, опять кланяясь, – то я уверен, что жена моя за счастье почтет позаботиться о вашем protege. Молодой джентльмен может остаться у нас, пока не будет готов его мундир.

– Пусть так, мистер Кольпеппер; ваша супруга возьмет его на свое попечение. Вы обяжете меня также, если позаботитесь о его столе.

– Ваши желания будут строжайше исполнены, капитан Дельмар, – отвечал мистер Кольпеппер, опять кланяясь, между тем как я едва удерживался от смеха.

– Если вам не угодно будет отдать более никаких приказаний, капитан, то я возьму теперь маленького джентльмена с собою.

– Никаких более, мистер Кольпеппер, прощайте, – отвечал капитан Дельмар, не сказав мне ни «здравствуй», когда я пришел, ни «прощай», когда я уходил с мистером Кольпеппером.

Я сошел вниз за мистером Кольпеппером, который оставил меня с урядником, а сам стал разговаривать с капитанским камердинером.

– Ну, – сказал Боб Кросс, – вы едете со мною на фрегат?

– Нет, – отвечал я, – я остаюсь на берегу с этим, старым филином, который умеет только качать головою вверх и вниз. Кто он?

– Это наша фрегатская мышь.

– Как мышь? – спросил я.

– Да, мышь значит корабельный комиссар; вы все это со временем узнаете; постарайтесь с ним поладить, потому что он порядком подъехал к капитану.

Видя, что я не понимаю его. Боб Кросс продолжал:

– Я хочу сказать вам, что капитан наш очень любит, чтобы офицеры оказывали ему больше уважения, и, любит все, что кланяется и ползает.

Мистер Кольпеппер подошел к нам, и, взяв меня за руку, повел к своему дому. Он не сказал ни слова во всю дорогу, но казалось, о чем-то думал. Наконец, мы пришли к дверям.

Глава XIV

Зачем утомлять читателя описанием семейства мистера Кольпеппера? Не знаю, но я намерен рассказывать свою жизнь со всеми подробностями.

Дверь отворили, и я очутился в присутствии миссис Кольпеппер и ее дочери, наследницы мистера Кольпеппера, который, будучи уже тридцать лет комиссаром на разных военных судах, не обижал своего кармана.

Миссис Кольпеппер была огромная женщина. Щеки ее были велики, как блюдо, глаза узки, как щелки, нос едва заметен, рот, как буква О. Говорили, что прежде она славилась красотой в Девоншире. Время, которое называют *Edax regum*, конечно, до сих пор еще не тронуло ее, сберегая кому-нибудь *pour la bonne bouche*.

Она сидела в огромном кресле; и то правда, что обыкновенное кресло не могло бы вместить ее персоны. Она не встала, когда мы вошли, и после я узнал, что в продолжение суток она только два раза делала усилие, чтобы встать; один раз, выходя из своей спальни в залу, и другой, снова входя в нее.

Мисс Кольпеппер была почти так же сложена, как ее мать. Ей было около двадцати лет, но для своего возраста она казалась слишком полною; однако у нее был прекрасный цвет лица, так что многие считали ее хорошенькою. Со временем она обещала даже перерастить мать.

– Кого это вы привели? – спросила миссис Кольпеппер, квакая как лягушка. Она была так толста, что не могла говорить человеческим голосом.

– Я еще сам не знаю, – отвечал комиссар, потирая лоб, – но у меня есть свои догадки.

– Боже мой, какое сходство! – вскричала мисс Кольпеппер, смотря на меня и потом на своего отца. – Не хочешь ли ты погулять по саду, малютка? – продолжала она. – Вот калитка, из двери налево.

Считая это приказанием, я повиновался; но войдя в сад, который был не что иное, как клочок земли возле дома, я подошел к отворенному окну и, прижавшись к стене, стал подслушивать.

– Совершенный портрет! – продолжала дочь.

– Да, да, большое сходство, – квакнула старуха.

– Я знаю только, что капитан Дельмар велел мне обмундировать его и сказал, что платит за все издержки – заметил мистер Кольпеппер.

– Какого же доказательства вы еще хотите? – сказала дочь. – Он не стал бы платить за чужих детей.

– Его привела прекрасная собою дама, лет тридцати.

– Значит, она была очень хороша собою, когда этот мальчик родился, – отвечала дочь. – Я считаю это новым доказательством. Где же она?

– Уехала сегодня поутру, оставя мальчика у капитана.

– Тут кроется какая-то тайна, – заметила дочь, и потому я считаю это третьим доказательством.

– Да, – сказал мистер Кольпеппер, – и доказательством сильным. Капитан Дельмар так горд, что, верна, не хочет открыть своей связи с этою женщиною и потому отослал ее отсюда.

– Именно; и будь я не женщина, если этот мальчик не сын капитана Дельмара.

– Я тоже думал, – отвечал отец, – и потому сам вызвался позаботиться о нем; капитан не знал, что делать с ним, пока еще не готов его мундир.

– Хорошо, – сказала мисс Кольпеппер, – а скоро открою еще более, я повыспрошу все, что он знает о нем, прежде чем мы с ним расстанемся; я умею сводить концы.

– Да, – заквакала толстая маменька. – Медея мастерица сводить концы и все, что угодно.

– Будьте с ним ласковы, – заметил мистер Кольпеппер, – потому что самое то обстоятельство, что капитан должен будет отдалить от себя мальчика, еще более увеличит его привязанность к нему.

– В подобном случае я не могу принудить себя, – заметила дочь, – и не понимаю, как люди знатных фамилий так ведут себя; не удивительно, что после они стыдятся своих поступков и не хотят признавать своих собственных детей.

– Правда, правда, – проквашала старуха.

– Если женщина бывает так несчастна, что увлекается страстью, они пользуются ее заблуждением! – вскричала мисс Медея.

– Правда, правда, – заквакала мать.

– Мужчины создают законы и сами нарушают их, – продолжала мисс Кольпеппер, – пользуясь своею силою даже в образованнейших обществах. Если бы все женщины имели хоть столько ума, как я, то многое бы изменилось, и на свете было бы больше справедливости.

– Я не совсем согласен с тобою, Медея, – отвечал мистер Кольпеппер, – я люблю свет, каков он есть, и не хотел бы, чтоб он изменялся. Но мне пора идти в провиантские магазины. Почисти немного мою шляпу, Медея, и я сейчас уйду.

Я тихонько отошел от окна. Передо мною разлился новый свет. Как молод я ни был, но также умел сводить концы. Я вспомнил обхождение матушки с ее мужем Беном; ненависть бабушки к капитану Дельмару; разные подслушанные мною разговоры; слова матушки: «Если бы ты знал, с кем сыграл штуку»; посещения матушки капитаном Дельмаром, который для других был так горд и надменен; обещание его заботиться обо мне и наставления матушки быть ему послушным и считать его за второго отца; наконец; замечание урядника, не родня ли я капитану, – все это, вместе с тем, что я теперь слышал, удостоверяло меня, – что они не ошибались в своих догадках, и что я точно был сын благородного капитана.

Матушка уехала; я бы отдал все на свете, чтобы собрать эти догадки прежде и узнать от нее истину; но теперь это было уже невозможно, и я понимал, что письма будут бесполезны. Я вспомнил ее разговор с капитаном, когда она обещала ему хранить тайну, и ответ, который она дала мне на мои вопросы; но я знал, что только мои слезы и просьбы могут склонить матушку высказать мне правду. Я не хотел спрашивать тетюшку Милли, зная, что она не захочет открыть матушкиной тайны, и пока решил молчать. Я не забыл, что мистер Кольпеппер говорил, как неприятно будет капитану Дельмару, если узнают, что я его сын, и потому решил не подавать ему вида, что знаю это обстоятельство.

Более часа я оставался в задумчивости, и странно, какое чувство родилось в моем сердце при этом открытии; я хорошо понимал свое положение и при всем том был доволен. Я чувствовал себя выше и теперь как будто считал себя более способным мыслить и действовать, чем прежде.

Мои размышления прерваны были мисс Медеею, которая, войдя в калитку, спросила меня, не устал ли я и не хочу ли войти в комнату.

– Не голодны ли вы, мистер Кин? Не угодно ли вам кусок пирога и рюмку вина перед обедом? Мы обедаем не ранее трех часов.

– Позвольте, – сказал я, не думая ни от чего отказываться, хотя знал, с какою целью меня потчевали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.